

МАРГАРИТА ПОЛУЭКТОВА

ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬ

Мастера прозы

Маргарита Полуэктова

Пренебрежитель

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полуэктова М. А.

Пренебрежитель / М. А. Полуэктова — «Эксмо»,
2026 — (Мастера прозы)

ISBN 978-5-04-252286-4

Герман – молодой программист, посвятивший свою жизнь борьбе с хейтерами в интернете. Чтобы преодолеть собственные страхи, он присоединяется к международной экспедиции в Швейцарских Альпах. В экстремальных условиях на фоне трагических событий прошлого и конфликта с коллегой Антоном Герману предстоит не только бороться за выживание, но и переосмыслить свои взгляды на жизнь, на роль современных технологий в ней и на борьбу с хейтом, который оказывается намного более осязаемым, чем он думал. Проверка отношений. 50 тестов на совместимость, чтобы понять себя и партнера

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252286-4

© Полуэктова М. А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	6
I	8
II	21
III	27
IV	32
V	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Маргарита Полуэктова Пренебрежитель

Серия «Мастера прозы»

© Маргарита Полуэктова, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

*И если что погубит меня, так именно это;
не Мелет и не Анит, а клевета
и недоброжелательство многих —
то, что погубило уже немало честных людей,
думаю, что и еще погубит.*

Апология Сократа

Минуты превращались в часы. Сизые сумерки чернели, грозя в любое мгновение обратиться в ночь. Свирепый ветер, беспорядочно гулявший посреди обледенелых скал и пронизывавший насквозь даже защищенные теплыми одеждами тела, завывал все громче и громче. Снег беспощадно хлестал по щекам; плотный как стена, он уже едва позволял рассмотреть то, что творилось на расстоянии нескольких шагов. Казалось, хуже теперь быть не могло, но буря усиливалась. Спасатели едва сумели расслышать переданное по радиации сообщение: необходимо было немедленно прекращать тяжелые, затянувшиеся, бесплодные поиски и спускаться с горы.

Его нашли практически случайно – вскользь брошенный в сторону луч фонаря внезапно выхватил из тьмы, которая царила внутри одной из глубоких щелей между скалистыми стенами, яркую куртку. Слегка заметенный снегом, поджавший под себя ноги и обхвативший руками колени, он судорожно подергивался от холода и, казалось, ничего вокруг себя не замечал: широко распахнутые глаза были устремлены в пустоту. Мужчина никак не отреагировал, когда его окликнули, и лишь принялся раскачиваться то ли из стороны в сторону, то ли взад-вперед. Или же его вдруг привели в движение залетавшие даже в это укромное место жестокие порывы ветра?

Спасатели протиснулись в щель, а он так и не отрывал стеклянного взгляда от только ему различимой точки в пространстве. При приближении оказалось, что пострадавший шевелит губами; он что-то тихо бормотал, однако даже распознать, на каком языке, было невозможно: рев бури оглушал.

– Вы здесь один, сэр? – последовал заданный по-английски вопрос. Однако ответа не прозвучало, хотя кто-то из спасателей вмиг направил на лицо пострадавшего луч фонаря. Мужчина казался целым и невредимым и даже раскраснелся после стольких часов, проведенных на морозе, не так сильно, как этого можно было ожидать. Но что-то странное, с первого взгляда непонятное было на его лице, будто покрывшемся неровными пятнами – что-то, чему никто еще не успел придать должного значения.

Двое спасателей вновь обратились к нему по-английски, и вновь ответа услышать не удалось. Тогда они в двух словах обсудили действия, которые необходимо было предпринять первым же делом, и передали короткое сообщение по радиации. После этого один из них тронул пострадавшего за локоть, и тут до ушей обоих спасателей донеслись его произнесенные громче, с нажимом, слова:

– Это не я...

Мужчина пробормотал эту фразу по-английски; сказав раз, он принялся повторять ее снова и снова. Дотронувшийся до пострадавшего спасатель от неожиданности выпрямился и развернулся к напарнику. Но тот невозмутимо отозвался:

– Если перешел на английский, значит, хоть какая-то реакция на происходящее есть. Это хорошо. Но у него шок.

А мужчина все бормотал одну и ту же фразу, слегка раскачиваясь и по-прежнему неотрывно глядя широко распахнутыми глазами в одному ему ведомую точку:

– Это не я... это не я... не я...

– Ты понимаешь, о чем он? – спросил стоявший возле него спасатель. Второй пожал плечами, после чего шагнул к обоим и изрек то единственное, что знал наверняка:

– Надо срочно спускать его. Шевелись, попробуем поднять.

Тот, казалось, начал понимать, кто находился рядом с ним, и задвигался. Жесты у него, замерзшего, получались с трудом; они были дергаными, неловкими. Однако он приподнял локти, и тогда спасатели, подхватив с обеих сторон, бережно поставили его на ноги. Он покачнулся, но, опершись об обхватившие его руки, устоял.

– Вы сможете идти, сэр? – спросил спасатель, но пострадавший лишь снова и снова бормотал одно и то же, делая длительные паузы между фразами:

– Это не я... это не я...

Крепко поддерживаемый, он явно почувствовал, что его начинают куда-то вести, поскольку неуверенно двинулся вперед. Сделав очередной шаг к выходу из щели, один из спасателей повернул к пострадавшему свое лицо и вдруг встал как вкопанный.

– Посвети сюда, пожалуйста, – попросил он напарника.

– Куда?

– На его куртку.

Второй спасатель тут же исполнил просьбу, осветив не только яркую куртку, но и лицо, и руки найденного мужчины. И везде, куда ни падал луч фонаря, напарникам открывались темные, смазанные пятна. Следы какой-то субстанции, некогда бывшей влажной и красной, а ныне высохшей, почерневшей и заледеневшей. Продолжавший светить на пострадавшего спасатель невольно отпрянул и уточнил:

– Что это?

– Кровь.

– Он же вроде цел...

– Цел, – подтвердил напарник, после чего озвучил страшное, но единственно походившее на правду предположение:

– Она не его...

Помолчав, слегка дрогнувшим, наполовину приглушенным свистом ветра голосом другой спасатель спросил:

– Что же случилось с остальными?

Его напарник лишь снова сухо сказал:

– Надо срочно спускать его.

– Это не я... это не я... не я... – беспрестанно повторял пострадавший. Мужчины переглянулись и, не обмолвившись ни словом, повели его навстречу безопасности.

I

Несколькими днями ранее

Кто скажет, что при виде гор в его душе не пробуждается хотя бы самый робкий и сдержанный восторг, заслуживает получить в ответ справедливое: «Не верю!» Таинственные и неизведанные изгибы взмывающих ввысь вершин тысячелетиями неустанно вселяют трепет в душу созерцателя, и счастлив тот, кто имеет возможность провести толику времени в их близости. Горы – это особый мир, наполненный музыкой схлестывающихся ветров, который едва уловимым ароматом хрустальной свежести и удивительной легкостью бодрит одни головы и опьяняет другие, очищая мысли от каждодневных хлопот. Это мир надежд, стремлений и веры во что-то светлое, возвышенное, вечное. Многие способны, затаив дыхание, изо дня в день обводить взглядом застывшие величественные контуры безмолвных природных гигантов; однако далеко не каждый готов отважиться на то, чтобы прикоснуться к ним рукой. Забраться повыше, оторваться от ковров равнины на несколько сот каменных метров – вот что поистине значит выйти за рамки привычной, обыденной, незатейливой жизни. Самые непостижимые секреты любых высот открываются лишь тем пытливым храбрецам, кто не желает довольствоваться малым, безусловно вложенным в руки благодаря счастливому стечению обстоятельств, но жаждет бороться за то, чтобы прочувствовать все чудеса мира; тем неудержимым, кто в погоне за своим идеалом не страшится никаких рисков.

Вечер потихоньку начинал оплетать затерянный в альпийских просторах курортный городок. Лазурное небо в самом центре своего бескрайнего купола постепенно принимало кобальтовый оттенок, а вдоль цепи гор протянулась тонкая розовая полоска, расцветив припорошенные белой небесной пудрой вершины смесью лилового и сиреневого. Падал редкий мягкий снег. На склонах гор, возвышавшихся всюду, постепенно становилось все тише и тише: после насыщенного дня лыжники и сноубордисты меняли свое местоположение, разбредаясь кто куда. Некоторые стекались отмечать приятную усталость в полные шумного веселья деревянные рестораны, другие же в предвкушении заслуженного отдыха возвращались в свои обособленные шале и уютные апартаменты в многолюдных отелях.

В бар одного из таких отелей, стоявшего на восточной окраине городка, медленной уверенной походкой зашел молодой человек. Одетый в темно-синий свитер грубой вязки с высоким воротником, черные лыжные брюки и желтые зимние ботинки, он был строен, статен и красив собой. Его светлое и гладковыбритое лицо было располагающим и приветливым; блестящие темные волосы изящно спадали на лоб, а яркие голубые глаза с живостью и любопытством взирали на окружающий мир даже в пору такой усталости, которую он испытывал в эту минуту.

Молодой человек приостановился на пороге устланного ковровым покрытием бара, осматриваясь. Помещение было практически пустым; лишь в левой стороне зала за круглым деревянным столом сидели четверо: двое парней и две женщины. Их теплые куртки висели за ними на спинках стульев. Компания непринужденно о чем-то переговаривалась. Время от времени со стороны барной стойки доносился глухой шум или звон – персонал занимался своими делами.

Молодой человек сдвинулся с места и решительно направился в сторону сидевшей четверки. Заметив новое лицо в помещении, все они практически одновременно вскинули на него любопытные взгляды. Приблизившись к компании вплотную, незнакомец с легкой, приятной улыбкой поздоровался по-английски:

– Добрый вечер. Здесь проходит собрание группы от «Фогт Алпайн»?

За его явственным, хорошо поставленным британским акцентом все же угадывалось, что это не родной язык. На реплику тут же бодро отозвался один из парней:

– Здравствуйте. Да, здесь, минут через двадцать должно начаться. Вы тоже идете в поход? – осведомился он, приподнимаясь со стула.

– Любитель отправиться в неизведанные дали с тяжеленным рюкзаком за плечами к вашим услугам.

Поднявшийся парень улыбнулся чуть шире, радушно протянул руку и сказал:

– Я Мик. Мы все такие же любители. – Он качнул головой в сторону остальных, лица которых сияли радостью и приятным предвещением.

– Очень приятно. Герман, – ответил молодой человек, пожимая протянутую ладонь и окидывая взором присутствующих.

– А это, как можно догадаться, мой брат.

Парень рядом с Миком привстал со словами:

– Симон. И зачем мы только решаемся на такие авантюры? – Он слегка усмехнулся.

– Очень приятно, Герман. Вероятно, потому, что город не может дать нам всего, чем богат окружающий мир. – Они обменялись рукопожатиями. Глядя на Симона, Герман понял, почему Мик был настолько уверен в том, что их родство очевидно даже для незнакомца: они оказались близнецами. На вид братьям было лет по двадцать, худые юношеские веснушчатые лица с большими карими глазами обрамляли копны слегка вьющихся темно-каштановых волос. Одеты братья были по-разному: Герман заметил, что куртка, висевшая позади Мика, была темно-зеленой, а позади Симона – бордовой.

– Весьма похоже на правду. Значит, это мы вас с утра недосчитались, – бойко произнесла зеленоглазая шатенка с пышными кудрявыми волосами до ключиц. – Шарлин, – сказала она, поднимаясь одновременно с блондинкой со стрижкой каре. Обе женщины выглядели ухоженно и свежо, навскидку им можно было дать лет сорок пять, максимум – пятьдесят. От одной из них веяло ненавязчивым цитрусовым ароматом.

– Мэри, – сказала блондинка и приветливо улыбнулась.

– Дамы, пусть это будет первый и последний раз, когда вам приходится вставать при моем появлении, – весело заявил Герман, пожимая протянутые руки. – Да, так неудобно вышло. Я старался успеть к утреннему собранию, но мой рейс задержали...

– Придвиньте стул и присоединяйтесь к нам, – предложила Шарлин. – И не переживайте. Ничего особенно важного вы не пропустили, но если что – спросите гида, он вам все пояснит. Мы еще мало с ним общались, но он кажется отличным парнем. И толковым – видно, что эксперт в своем деле.

– В своем деле он эксперт, это правда, – согласился Герман. Молодой человек оглянулся на пустующий стол позади и взялся за первый попавшийся под руку стул – Шарлин и Симон с готовностью подвинулись, освобождая для него пространство. Тот сел и вновь улыбнулся еще совершенно незнакомым людям, с которыми сталкивал его предстоящий поход.

– Мы тут пока делимся тем, как день провели, и выпиваем, – сразу же ввел его в курс дела Мик.

– Выпиваете? – переспросил Герман и взглянул на столешницу: действительно, перед братьями стояло по банке обычной газировки, а перед дамами – чайник чая и две наполненные чашки.

– Возьмите себе тоже что-нибудь, – предложила Шарлин, помешивая в чашке ложечкой. – Вы же наверняка почти что прямо с дороги.

– Почему бы и нет, – недолго думая, согласился Герман. Не успев привыкнуть к жесткому деревянному сиденью, он поднялся и направился к барной стойке. Там Герман подозвал бармена и на хорошем французском с легким иностранным акцентом заказал капучино. Перед предстоящим собранием ему хотелось лучше сконцентрироваться; в том же, что после тяжелого перелета он сможет заснуть, даже выпив кофе, сомнений не было. С готовым капучино в

руке он вернулся к столу, за которым компания новых знакомых оказалась вновь погруженной в какую-то беседу. Симон поднял взгляд на Германа, который присел на стул, и спросил:

– Будете? – Он указал в центр стола. За недолгое время отсутствия Германа там успела появиться только что открытая пачка чипсов. – Мы взяли в аэропорту на всякий случай, но совершенно о них забыли. Так весь день с собой и протаскали, пока гуляли по городу. – Симон хлопнул рукой по стоявшему рядом компактному черному повседневному рюкзаку, из расстегнутой молнии которого торчал белый шнур, подсоединенный к лежащему на столе смартфону. – Берите.

– Вы так добры. – Герман протянул руку к пачке.

– Вы тоже берите, не стесняйтесь, – сказал Симон, обращаясь к дамам.

– Я же говорю, мы так плотно поужинали... – Мэри отрицательно покачала головой и одарила собеседников извиняющейся улыбкой. Шарлин повернулась к Герману и пояснила:

– Мы только что начали рассказывать о том, как соприкоснулись с национальной кухней. Я-то уже с ней знакома, но вот моя дорогая подруга сегодня попробовала ее впервые. Если не ошибаюсь, она в восторге. – Шарлин с веселой усмешкой взглянула на Мэри.

– Еще бы! – воскликнула та, на долю секунды распахнув синие глаза чуть шире обычного. – Местная еда – это что-то необыкновенное. Особенно раклет – это плавленый сыр, который подается с молодым картофелем, маринованными овощами, колбасами... Прости, дорогая, что я так восторгаюсь, – спохватившись, Мэри тронула подругу за плечо и пояснила: – Шарлин мясо не ест.

Шарлин тут же беззаботно отмахнулась.

– Что ты, в самом деле. Но как бы то ни было, меня порадовало, что в меню у них довольно много вегетарианских блюд. Да и без них повара готовы пойти навстречу – удалось договориться, чтобы мне сделали тартифлет без бекона.

– Что это за ресторан такой? – живо поинтересовался Герман.

– Мы как раз рекомендовали Симону и Мику пойти туда, – кивнула Мэри. – Chez Louis, небольшое шале на склоне, прямо возле старого подъемника.

– Возле старого подъемника? – уточнил Герман, откидываясь на спинку стула.

– Да... вы, я так понимаю, в этом отеле остановились? – Он ответил утвердительно. – Если выйти из него, надо повернуть налево, после чего двигаться прямо. Не сворачивайте вместе с автомобильной дорогой, а идите дальше по протоптанной тропинке. Чем ближе к горам, тем меньше на пути зданий, но пройдете минуты две от силы и увидите отдельно стоящее шале, а позади него – неработающий подъемник. Это шале и есть ресторан. Если будет возможность, зайдите туда по возвращении из похода – не разочаруетесь. – Мэри обвела взглядом молодого человека и братьев.

– Хорошо, – улыбнулся Герман и хлебнул начавший остывать кофе. Занятые поеданием чипсов близнецы энергично покивали. Симон проглотил очередную порцию первым и после недолгих размышлений вымолвил:

– Мы взяли обратные билеты так, что у нас здесь будут свободные сутки. Думаю, доберемся и туда. – Он взглянул на тут же издавшего одобрительный возглас Мика.

– У нас тоже будут сутки, – произнесла Мэри, и ее подруга, державшая чашку чая возле лица обеими руками, поспешила добавить:

– Даже чуть больше. Хоть сможем по городу погулять, раз сегодня не вышло.

– Нет? – удивился Мик. – Где же вы были весь день?

Шарлин хмыкнула и вернула оказавшуюся уже опустошенной чашку на блюдце.

– После утреннего собрания мы отправились в спа нашего отеля – Мэри и я остановились в пяти минутах ходьбы отсюда – и каким-то образом потеряли там счет времени. Мы действительно изначально собирались добраться до Старого города, но в итоге только и успели поужинать...

– А жаль, – с ноткой печали отозвалась Мэри, – потому что я слышала, что чем дальше от лыжных трасс, тем лучше удастся прочувствовать подлинную атмосферу города.

– Так и есть, – подтвердил Мик. – Мы как раз побывали в тех местах сегодня и многое успели увидеть. Пожалуй, почти все. Старый город настолько мал, что заблудиться в нем практически невозможно.

– И все же нам это удалось, – заметил Симон.

– Гм... да. Но я стою на своем, при свете дня этого бы не произошло. – Мик обвел взглядом сидящую за столом компанию и невозмутимо продолжил: – Справедливости ради, дома там все однотипные: узкие, трехэтажные, и явно большинству из них не одна сотня лет. В наших краях встречаются похожие, но на здешние постройки посмотреть было очень даже интересно... Как бы то ни было, в один прекрасный момент резко стемнело, и стало сложнее понять, какую из гор мы брали за ориентир изначально. К тому же все эти кривые улицы, которые по мере углубления в город сужаются все больше и больше, ведут к главной площади; а вот чтобы найти, какая из них выводит с нее в нужном направлении, надо очень постараться.

– Да, когда мы в четвертый раз вышли к монастырю, я готов был взвыть, – слегка улыбаясь Симон. – Хорошо, что на наших смартфонах есть навигатор...

– ...и что они к тому времени еще не успели разрядиться. И все равно мы чуть было не опоздали. Даже в номер забежать не успели, сразу сюда.

– Подождите, – перебила братьев Шарлин, – вы сказали – монастырь? Там даже монастырь есть?

– Вернее – был, – уточнил Мик. – Он наполовину разрушен.

– Легенда гласит, что весь Старый город был заложен подле этого заброшенного ныне монастыря еще в глубоком Средневековье, примерно в тринадцатом веке, – пояснил Симон, – и что сейчас в домах неподалеку от развалин живут самые настоящие потомки основателей поселения.

– Мы были на этих развалинах...

– И не раз.

– ...они поистине впечатляют. Заставляют задуматься о фатальной и беспощадной силе времени.

Мэри изумленно спросила:

– Откуда у вас вся эта информация? Я пыталась найти хоть что-то о городке в интернете, но везде наткнулась только на описание горнолыжных трасс да на одну и ту же бесцветную фразу: «Постарайтесь найти время для того, чтобы осмотреть старинный центр курорта...»

– О, это довольно интересная история. – Мик провел ладонью по своим сбившимся на лоб каштановым волосам и положил обе руки на стол. – Мы почти никого не видели в Старом городе – только изредка слышали звуки шагов и голоса в отдалении – до тех пор, пока не дошли до булочной на круглой площади. Она... не знаю, как объяснить... Было очевидно, что туда ходят только местные. Ни цен, ни рекламы, все чисто и как-то... по-домашнему, что ли? Будто в гостях очутился, а не в магазине. К нам сразу же вышел пекарь, и мы с ним разговорились – сначала про ассортимент, а потом беседа как-то плавно перешла на более отвлеченные темы.

– Да, – подтвердил Симон, – он был очень рад, что мы, туристы, добрались до его булочной. Сказал, что мы обязаны попробовать то, чем живет коренное население, потому что, как он выразился, только через чуткое соприкосновение с элементами местных традиций можно познать новый для себя уголок мира, впитать его среду...

– Именно этот пекарь и поведал нам историю городка, – подхватил Мик, – а также поделился своими наблюдениями о том, как старая его часть пытается сосуществовать с туристическим центром. После этого он предложил провести эксперимент: впредь думая о каком-нибудь популярном направлении, пытаться вообразить себе не то, как там могут провести время путешественники, а то, чем живут и что думают о своем населенном пункте местные.

– Это же наверняка две совершенно разные точки зрения, – веско изрекла Шарлин. – То, что путешественнику открывается как целый новый мир, для местных – обычное дело, разве нет?

– Суть в том – как он нам объяснил, – что, только имея представление обо всех существующих взглядах на одно и то же место, можно его по-настоящему понять, раскусить, почувствовать.

– А-а-а... – только и смогла с пониманием протянуть Шарлин одновременно с тем, как Мэри задумчиво кивнула, а Герман хмыкнул.

– Вы не согласны? – поинтересовался Мик.

– Напротив. Я и сам к подобному выводу пришел в свое время. – Герман улыбнулся. Симон вдруг приподнял брови, спохватившись.

– Самое главное! Маркетинг явно не наше призвание, – он усмехнулся, обращаясь к Герману, Мэри и Шарлин, и продолжил: – Товар у пекаря выше всяких похвал. Все такое мягкое, хрустящее, вкусное; одним словом, нельзя не посоветовать. Так что, если будете в Старом городе и проголодаетесь, вы знаете, что делать.

– Что скажешь? – Мэри повернулась к подруге. – Было бы любопытно попробовать местную выпечку. Может, нам тоже посчастливится пообщаться с ним.

– Обязательно зайдем, как вернемся из похода, – убежденно кивнула Шарлин, а Симон поспешно добавил:

– Только имейте в виду, английского он не знает.

– Зато мы знаем французский, – улыбнулась Мэри.

– Ах да... конечно.

Шарлин слегка прищурилась и облокотилась о стол.

– Кстати говоря – как же вы в таком случае смогли понять друг друга?

– Он владеет швейцарским немецким, как и подавляющее большинство в этом кантоне, – отозвался Мик. – Мы с Симоном не все порой понимали с кристальной ясностью, но наша беседа была довольно долгой и обстоятельной.

– Понятно. Ну все, решено! – воскликнула Шарлин. – До которого часа эта булочная работает и как ее найти? Вы сказали, она расположена где-то на главной площади, да?

– Работает с семи до шести, вроде как без выходных. – Симон пожал плечами. – И – нет, не на главной; там есть еще одна площадь, маленькая, круглая. Я вам лучше на карте ее покажу, словами так просто не объяснишь... – Он разблокировал лежащий перед ним смартфон и, взяв его в руки, зашел в нужное приложение.

Герман слегка подался вперед.

– Маленькая площадь с фонтаном посередине? – уточнил он.

– Ну... там была какая-то скульптура за низким ограждением... – Мик помялся, принявшись постукивать пальцами по столешнице. – Возможно, это и в самом деле был фонтан.

Симон, нашедший тем временем на карте площадь, показал ее Шарлин, Мэри и Герману, который сначала наклонился чуть ближе, а потом вновь откинулся на спинку стула.

– Можете сказать, как она называется? Я отмечу ее у себя, – попросила Шарлин, доставая из кармана смартфон.

– Откройте карту и дайте мне, я наберу.

Шарлин последовала словам Симона, после чего он вбил название в поисковую строку и вернул устройство владелице. Пока обе дамы рассматривали экран, то приближая, то отдаляя картинку, Симон вновь взял в руки свой смартфон, набрал в нем что-то и практически сразу же оповестил окружающих:

– Действительно, это фонтан. – Он повернул экран к остальным – на нем было фото старинной статуи, состоявшей из трех округлых каменных рыб. Их головы были покрыты снеж-

ными шапками, а изо ртов торчали железные трубки, по которым в летнее время должна была струиться вода.

– Интересно, как он выглядит, когда работает? – протянул Мик. В ответ на это его брат вновь принялся что-то быстро печатать, одновременно с чем Мэри вдруг наклонилась ближе к столу и посмотрела на Германа в упор.

– Откуда вы знаете про фонтан? – спросила она. Молодой человек с простодушной улыбкой пояснил:

– Я уже был здесь, год назад. Тоже ходил в поход. Но о булочной не знал, так что с удовольствием зайду туда, как вернемся.

Четверо новых знакомых со вспыхнувшим по-новому любопытством уставились на него. Мик перестал постукивать по столу пальцами. Симон отложил смартфон в сторону.

– Как? – воскликнула Шарлин. – Вы уже были в таком же походе?

– Почти в таком же, да. Ходил коротким маршрутом, а в этот раз пойду длинным.

– Коротким – это в два дня?

– Да.

– Мы все сейчас таким идем, как я понял, – вымолвил Мик. Мэри энергично закивала. В глазах у каждого из новых знакомых Германа мерцало жгучее любопытство. Вопросы не замедлили посыпаться со всех сторон:

– Так, значит, вы уже не понаслышке знакомы со здешними местами? – уточнила Шарлин.

– Расскажите, пожалуйста, чего нам ждать? – поинтересовался Симон.

– Да, а то мы все здесь впервые, – добавил Мик. – Мы, разумеется, подготовились, и с утра гид посвятил нас в некоторые дополнительные нюансы... но вдруг у вас есть какие-то собственные наблюдения или замечания с прошлого года?

– Что ж. – Герман лучезарно улыбнулся. – В какой-то момент ходьбы на лыжах вы непременно начнете уставать – будьте готовы к тому, что это только начало. – Шарлин весело хмыкнула. – Не буду описывать местность – ее лучше увидеть, а вам, к счастью, это удастся совсем скоро... Пожалуй, вот что: наш гид, Рауль, по пути рассказывает много интересного о дикой природе, делится походными секретами, поэтому, если вы чувствуете себя на лыжах уверенно, советую идти неподалеку от него. В то же самое время не переживайте, если не будете поспевать. Не повторяйте моей прошлогодней ошибки: я тогда встал на беговые лыжи впервые за долгое время и сильно торопился, пытаюсь игнорировать все неприятные ощущения. Так вот этого делать совершенно не нужно. Передвигайтесь в своем темпе – лучше чуть-чуть отстать, чем выбиться из сил, ведь тогда преодолеть остаток пути будет очень сложно. Если что, сзади, как правило, идет помощник гида. Он подстрахует и не даст потерять группу из виду.

Шарлин подала голос первой:

– Мы уже успели поговорить друг с другом... Кто-то на лыжах стоит хуже, кто-то лучше, но мы решили попробовать держаться вместе. Кажется, есть смысл в том, чтобы вы при любом раскладе пошли впереди нас, – отметила она, и Мэри с близнецами дружно закивали. – А что скажете насчет ночлега? Как проходит вечер на стоянке? У нее, кажется, есть название – «Энзиан»?

– «Энциан», да, – кивнул Мик.

Герман пожал плечами.

– Вечер довольно стандартный: ужин возле костра, общение... Я заметил, что после тяжелого дня на лыжах многие из тех, что не отправляются сразу же спать, становятся весьма разговорчивыми – порой даже более, чем это для них привычно. Так что скучать не придется. Персонал, как я понял, иногда присоединяется к туристам возле костра. И это здорово: в прошлом году с нами сидел доктор, Тимо. Очень интересная личность – надеюсь, и вам доведется послушать его истории. Мы просто покатывались со смеху. Да и Рауль...

– Вы, стало быть, уже знаете Рауля лично? – перебила его Мэри. Герман ответил:

– Да, он водил мою группу в прошлом году. За вечер у костра мы с ним обнаружили пару общих интересов, так и подружались. Именно Раулю я обязан тем, что вернулся сюда снова. – Молодой человек улыбнулся. – Вам уже известно, кто поведет вас обратно?

– Да, некий Дарио, – ответила Мэри. – Знаете его?

– Знаю, – живо отреагировал Герман. – Он был помощником Рауля год назад. Отличный парень, старательный. Я рад, что он уже водит группы самостоятельно. А с нынешним помощником гида вы уже успели познакомиться?

– Пока еще нет. Рауль сказал, что представит его на вечернем собрании. Это то, что нам предстоит помимо обсуждения маршрута, ради которого все это мероприятие и затевается.

– Кстати говоря, – Герман чуть понизил голос и обвел глазами всех сидящих вокруг, – Рауль не объяснял вам, почему он поставил в план два собрания накануне выхода в этот раз? Почему он разделил этот пункт в повестке дня на части?

– Из утреннего собрания было в целом понятно, почему так, – ответил Мик. – Оно нам нужно было для того, чтобы пройти по экипировке.

– Да, в основном. Чтобы в случае чего мы успели до вечера сходить в прокат и устранить недочеты, – добавил Симон.

– Вот оно что... – протянул Герман. – Разумно. В прошлом году было только одно собрание, вечернее... Вероятно, у «Фогт Алпайн» были причины слегка изменить подход к этому вопросу.

– Но ведь это даже хорошо, – отозвалась Шарлин. – Все под контролем, все наилучшим образом организовано и тщательно перепроверено. Так я чувствую, что компания действительно заботится о безопасности своих клиентов.

Оба брата одновременно поддакнули, а Мэри добавила:

– И от этого спокойнее.

Герман слегка склонил голову, соглашаясь.

В этот же момент звук шагов, приглушенных ковровым покрытием, возвестил о том, что в баре появился еще один человек. Едва продвинувшись в глубь помещения, он обратился к сидящим хриловатым, но приятным и приветливым низким голосом:

– Добрый вечер!

– Добрый вечер, – бодро поздоровались с вошедшим братья и дамы. Герман обернулся и увидел в нескольких метрах от себя молодого мужчину, остановившегося у одного из трех больших прямоугольных столов в центре зала; он бросил на поверхность столешницы синюю шапку и какие-то бумаги и, поглядывая на них, расстегивал теперь свою желтую куртку с крупными синими вставками на рукавах. Герман усмехнулся.

– Эту куртку я узнаю в любой точке мира, – произнес он по-французски, поднимаясь со стула. – Рауль!

Вошедший вскинул на него глаза и, моментально просветлев, воскликнул:

– Герман, друг мой!

Не медля ни секунды, Герман устремился навстречу своему старому знакомому – гида, человеку, что вот-вот должен был повести его в числе других навстречу очередным приключениям. Мужчины коротко обменялись дружескими приветственными объятиями. Ликуя, что по прошествии столь долгого времени они наконец-то увиделись снова – в реальной жизни, а не на экране компьютера, – Герман задержал взгляд на лице Рауля.

У гида были короткие светло-русые волосы с желтовато-рыжим оттенком, красноватый пигмент которого становился более явственным только в небольшой аккуратной бороде. При этом он обладал темными, низко посаженными бровями, что делало его внешность яркой и запоминающейся. Нижняя губа, несколько полнее верхней, слегка выступала вперед, а между бровей пролегла горизонтальная складка, прочно врезавшаяся в лицо, несмотря на довольно

юный возраст. Хотя Рауль и мог показаться на первый взгляд суровым и задумчивым, на деле он был добродушен, общителен и весел; часто улыбался, пусть его улыбка и имела легкий налет серьезности, всегда присутствовавшей в его серых глазах.

– Ты совсем не изменился, – весело заявил Герман.

– Еще бы, мы только неделю назад по видеосвязи общались. – Рауль ухмыльнулся. – Наконец-то ты здесь! Я уже начинал переживать.

– Я написал тебе около получаса назад о том, что заселился и даже успел взять в прокат лыжи.

– Да, это я увидел, но до твоего сообщения было еще несколько часов напряженной безвестности. Прости, кстати, что не ответил на него.

– Ничего, я этого ожидал.

– Я же говорю, мне проще позвонить.

– Знаю. Но это было не срочно. Я просто хотел, чтобы ты был в курсе.

Рауль кивнул и тут же спросил:

– Как ты долетел в итоге?

– Нормально, просто устал немного. С трех утра на ногах, а глаз за весь полет так сомкнуть и не смог.

Герман бодрился, улыбался в предвкушении предстоящих событий и сохранял неприужденность в голосе, но от пытливого взора не могло ускользнуть, что он и в самом деле испытывал сильнейшую усталость. Рауль внимательно всмотрелся в его лицо и настоятельно посоветовал:

– Тебе следовало бы лечь спать не позднее десяти. Это поможет восстановиться перед завтрашним днем.

– Да, я так и собирался, – отозвался молодой человек.

Гид сочувственно улыбнулся:

– Мне жаль, что твой день накануне похода оказался таким изматывающим.

– А мне, в свою очередь, жаль, что из-за этой задержки рейса я не смог присутствовать на утреннем собрании...

– О, это не проблема, – ободряюще махнул рукой Рауль. – Ничего особенного там не было. В группе несколько новичков, поэтому мы лишь прошлись по азам и проверили, все ли подготовили экипировку в соответствии с моей памяткой.

– И как? – поинтересовался Герман.

– В целом... неплохо. Кстати об этом: мне нужно будет взглянуть и на твое снаряжение.

– Разумеется. Сейчас принести?

Рауль с сомнением обернулся, посмотрел на настенные часы, висевшие над входом в бар, и, вновь повернув свое лицо к другу, изрек:

– Давай уже после собрания. С минуты на минуту должны прийти остальные.

– Договорились. – Герман помедлил, после чего спросил: – Ты как-то упомянул, что, помимо меня и твоего помощника, в группе будет еще шесть человек, верно?

– Теперь восемь. В последний момент оформились еще двое, Мик и Симон – ты с ними, похоже, уже успел познакомиться. – Рауль коротко взглянул на братьев и качнул головой в их сторону.

– Да.

– Сейчас ожидаем моего помощника и еще четверых. Они приехали большой компанией.

– Группа друзей?

Рауль помялся.

– То ли друзей, то ли коллег... скорее, второе, чем первое. Во всяком случае, трое из них работают в одной организации и прибыли одним рейсом.

Герман понятиливо кивнул, но тут же вдогонку уточнил:

– А они каким маршрутом идут? Коротким или длинным?

– Длинным. Дойдут до самого подножия, так что нам предстоит провести с ними три дня.

– Вот и отлично. – Герман улыбнулся, и Рауль ответил ему тем же. Несмотря на навалившуюся на первого усталость, несмотря на бремя ответственности, лежавшее на втором, глаза обоих мужчин светились одинаково: в них отражались мечты о дальних странствиях и новых впечатлениях. Из-за спины Германа доносилось веселое беззаботное хихиканье продолжавших общаться между собой дам и братьев. Все наперебой говорило о том, что каждый в этом помещении находился в предвкушении предстоящих приключений, даже если для кого-то они должны были продлиться всего пару дней.

У входа в бар возникло какое-то новое движение. Герман поспешно перевел взгляд туда и увидел тройку неторопливо входивших в помещение людей; тройку совершенно новых, неизвестных и непривычных лиц. Все они были мужчинами. Двое шли впереди, на ходу расстегивая куртки: брюнет в дутой бежевой с золотистым отливом и богатым мехом что-то говорил русоволосому в черной. За ними молча следовал третий – это был слегка выделявшийся на их фоне высоким ростом блондин в ярко-голубом пуховике нараспашку. Все они держали уже снятые шапки и шарфы в руках.

Рауль обернулся на звук шагов, шелестящей верхней одежды и тихой, неразборчивой с расстояния речи. Глядя в упор на собеседника и не прерывая разговора, брюнет вел группу прямо в сторону гида. Как только вошедшие подошли, Рауль поприветствовал их, и лишь после этого двое идущих впереди едва заметно кивнули ему в ответ; на остальных же присутствующих они, как и замыкающий шествие блондин со скучающим выражением лица, вообще не обратили никакого внимания, будто и не было в зале никого, помимо гида.

А Герман провожал их взглядом. Компания обошла стол, на котором гид разложил бумаги, и остановилась лицом к входу. В этот же момент русоволосый со скромной улыбкой, в которой явственно читалась доля хитрецы, сказал вдруг что-то своему собеседнику, и тот разразился хохотом. Все сняли куртки и повесили их на спинки стульев; русоволосый и блондин сели, а посерьезневший брюнет с прищуром огляделся по сторонам, после чего грубовато, звонко выкрикнул бармену по-английски:

– Сюда кто-нибудь подойдет?

Не дожидаясь ответа, он опустился на стул и что-то небрежно шепнул успевшему развалиться справа от него блондину. Чуть помедлив, тот встал и направился к барной стойке, в то время как брюнет вернулся к разговору.

– Ваша группа практически вся в сборе, господин Катов? – вежливо уточнил Рауль, обращаясь к севшему неподалеку обладателю золотистой куртки. При этом он перешел на официальный язык группы – английский. Брюнет резко прервал диалог со своим собеседником и медленно перевел на гида долгий, немигающий и ничего не выражающий взгляд из-под полуопущенных век. На мгновение он застыл в этой позе, а потом полным спокойствия и хладнокровия голосом ответил:

– Да. Уолкотт на подходе.

– Супер, – кивнул Рауль и тут же устремил взор на дам и братьев, еще сидевших за небольшим столом неподалеку от барной стойки. – Подходите сюда, присаживайтесь, – пригласил гид, махнув рукой.

Пока они с готовностью поднимались со своих мест и выдвигались к столу, за которым должно было начаться собрание, Герман, стоявший рядом с Раулем, взгляделся в лица новопривывших.

Молодого человека занимал мужчина, который благодаря такому повышенному вниманию со стороны гида в одночасье превратился из незнакомца в какую-то по таинственной причине авторитетную личность. Катов. Это был человек важного вида с гордой осанкой и расслабленными манерами, короткими приглаженными темными волосами, круглым носом и карими

глазами. Катову, пожалуй, было за сорок, однако он выглядел довольно ухоженным, начавшие проступать на грубоватой коже морщины были слабо заметны. В глаза сразу же бросалась отличная физическая форма: рельефы бицепсов и грудных мышц отчетливо выделялись под тканью черной, облегающей торс футболки. Хотя вошедших было трое, никаких сомнений не было в том, что резко перебивавший все прочие запахи в помещении аромат дорогого одеколора исходил именно от Катова.

С усмешкой комментируя что-то сказанное собеседником, он вытащил из кармана черных лыжных брюк смартфон, затем пошарил во внутреннем отделении своей висевшей за спиной куртки. Оттуда он достал такое же устройство, только больше, размером с собственную крупную раскрытую ладонь, и положил его рядом с первым.

На то, чтобы рассмотреть все это, но не показаться бестактным, Герману понадобилось всего несколько секунд. После этого молодой человек обратил внимание на говорящего собеседника Катова. Тот оказался довольно миловидным мужчиной лет тридцати с растрепанными светло-русыми волосами, которые он в этот момент старался тщательно пригладить, с глазами серовато-зеленого цвета, полными губами и небольшим носом с резко очерченными ноздрами.

Тем временем остальные подошли к столу. Мэри и Шарлин сели в его торце лицом к барной стойке, а братья, приставив два недостающих стула, разместились на углу между ними и недавно вошедшими мужчинами. Тогда Герман тоже сделал шаг к столу и занял место напротив дам. Между ним и Катовым оставалось два пустых стула.

И тут обрывки разговоров между новоприбывшими стали для Германа отчетливо слышны. Он понял это, когда притихший было русоволосый вытащил откуда-то свой пискнувший смартфон, посмотрел на экран и негромко произнес:

– Максим, контрагент все-таки настаивает на том, что груз задержали именно по нашей вине. – Он вопросительно посмотрел на Катова, наморщив лоб.

– В программе все отражено, – негромко и будто нехотя протянул тот, глядя куда-то перед собой. – Я уже видел. Люди разбираются.

– Тут еще прикрепленный файл. – Русоволосый протянул собеседнику свой смартфон. Слегка подавшись вперед, Катов быстро пробежался глазами по экрану.

– Серьезно? – с сарказмом фыркнул он, а потом, в одночасье сменив выражение лица с ухмыляющегося на строгое, изрек: – Какая чушь. У меня совершенно другая информация. Так, Сергей... Уточни, с кем из наших они вели переписку на эту тему. Хотя нет. Я сам. – Катов взял в руки смартфон поменьше и начал в нем что-то набирать. – Какая наглость! Если они не могут позволить себе нормального таможенного брокера, это не дает им права думать, что перекладывание вины на поставщика может сойти им с рук. Наши сотрудники не посмели бы оставить столько полей незаполненными. Хотя... если это действительно так... – Брезгливо поджав губы, он покачал головой.

– ...то я им не завидую, – продолжил за него русоволосый по имени Сергей. Катов приглушенно промычал, соглашаясь. Воцарилась недолгая пауза; Сергей мгновение мялся, после чего решил осторожно уточнить: – Мне переслать вам это письмо?

– Я не понимаю, почему ты спрашиваешь, – ответил Катов, продолжая что-то сосредоточенно набирать в смартфоне. – Разумеется!

Сергей кивнул и выполнил то, что от него требовалось. После этого он положил свой смартфон на колени экраном вниз и задумчиво пробубнил:

– Я, конечно, понимаю, что вечер уже, да и вообще все это недоразумение тянется дольше недели... но хоть бы до утра все разрешилось. Завтра мы с этим сможем разобраться разве что на стоянках.

– Завтра это будет уже не нашей проблемой, и ты это знаешь.

– Точно? – неуверенно переспросил Сергей. Катов невозмутимо пожал плечами, не отрываясь от набора текста.

– У нас здесь совершенно другие задачи.

Едва ли успев услышать несколько первых слов этого диалога, Герман не без легкого удивления отметил, что они все были ему знакомы. Очень хорошо знакомы: речь велась на его родном языке. Дверь в смысл всех изрекаемых фраз была распахнута для него настежь; от осознания этого факта он подпер голову рукой, облокотившись о стол. На протяжении всей шедшей фоном беседы Герман старался смотреть куда угодно, только не на говоривших. В какой-то момент он даже поймал взгляды братьев и дам и выдавил слабую улыбку в ответ. Катов тем временем закончил печатать, вернул смартфон на стол и, шумно вздохнув, повернул голову в сторону барной стойки. Внимательно проследивший за этим движением Сергей поспешил предупредительно крикнуть в том же направлении на языке, так хорошо понятном Герману:

– Антон! Ускорься.

Блондин оглянулся через плечо и тут же что-то сказал бармену, который заставил посетителя еще некоторое время нетерпеливо переминаться с ноги на ногу, прежде чем выдал на руки четыре высоких стакана, наполненных полупрозрачной золотистой жидкостью. Антон перенес их в два подхода. Один стакан он поставил перед Катовым, другой протянул Сергею, сам взял в руки третий и сел. Четвертый стакан оставался на столе, одиноко ожидая своего часа. Вся их группа несколько приободрилась, сгрудилась поближе друг к другу и зашушукалась. Катов вдруг поднял указательный палец и с лукавой улыбкой что-то тихо сказал обоим слушателям, после чего все трое с веселым перешептыванием чокнулись. Глотнув напитка, Катов первым вернул стакан на стол. Он провел костяшкой указательного пальца по губам и, обратив взор на разместившегося по соседству Антона, бесстрастно сказал:

– Уолкотт должен сидеть рядом со мной, тебе придется подвинуться.

Тот долго возился и двигал стулья перед тем, как пересесть и перевесить свою куртку. Теперь Германа от блондина отделял лишь угол стола; однако лица его молодой человек по-прежнему не видел, поскольку корпус Антона был полностью повернут к Катову и Сергею. Герман старался особо не смотреть в сторону всей этой компании, хоть троица так и норовила притянуть к себе всеобщее внимание. Его по-настоящему отвлекло то, что в помещение бара практически бегом ворвался парень в куртке неоновой лаймового цвета. Застывший в ожидании лицом к входу Рауль увидел его первым и приветственно махнул рукой. Парень замедлил шаг и, кивнув со смущенной улыбкой тем из сидящих за столом, кто одарил его любопытным взглядом, подошел к гиду. С ним он обменялся парой фраз, после чего отступил и остановился позади Рауля и женщин, время от времени теребя в руках светло-серую шапку в тон брюкам. Гид же повернулся лицом к столу и склонился над разложенными на нем бумагами, упираясь обеими ладонями в шероховатую деревянную поверхность. Он сосредоточенно нахмурился и принялся просматривать написанное на листках.

Тем временем Катов придвинулся к столу и что-то насмешливо спросил у Антона. При этом он подпер подбородок рукой, из-за чего Сергею пришлось сильно податься вперед, чтобы быть в курсе разговора. Антон с безразличием пожал плечами, на что Катов утвердительно качнул головой и, продолжая сверлить блондина взглядом, изрек:

– Нет, значит.

– Ну а когда мне было этим заниматься? Мы весь день вместе находились.

Катов вновь что-то тихо спросил у него с легкой ехидной усмешкой, в ответ на что Антон протянул:

– Да потому что этот список так называемой экипировки полон какого-то барахла. Естественно, я взял с собой только наиболее нужные, с моей точки зрения, вещи.

Ухмылка не сползала с лица Катова.

– Так... и что же показалось тебе бесполезным?

– Ну, несколько вещей.

– Например?

– Например, коврик. Что это за дурацкий коврик? Зачем он вообще нужен?

В голосе Антона сквозила самая настоящая претензия. В ответ повисла тишина; продолжая ухмыляться, Катов убрал руку со стола и, откинувшись на спинку стула, обратил свой взор на дверной проем, через который его группа несколькими минутами ранее зашла в этот бар. Он выглядел позабавленным. Сергей между тем просто хлопал глазами, наблюдая за Антоном. Невольно озадаченный темой этого разговора Герман перебежал взглядом с одного участника на другого. Никто не торопился ничего пояснить; поэтому тот, не видя смысла скрывать, что он прекрасно понимает все, о чем ведется речь, счел своим долгом встрять в обсуждение:

– Если позволите... Туристический коврик нужен для того, чтобы у туриста была возможность сесть или лечь на землю.

Продолжая смотреть вдаль с легкой ухмылкой, Катов немного приподнял брови, но больше ничего не выдало в нем удивления. Сергей перевел было равнодушный взгляд на Германа, но тут же вернул его на Антона. Сам же Антон резко обернулся через плечо и обратился к Герману убийственно серьезное лицо. Он некоторое время смотрел косо, будто свываясь с тем, что в окружении оказался еще кто-то, кто понимает его слова, после чего нахмурился и возмутился:

– Как будто без него меня что-то остановит от того, чтобы сесть или лечь!

– Холодная и неровная поверхность земли обычно останавливает, – невозмутимо заметил Герман.

– У этого наверняка есть запасной, – обращаясь к Антону, но глядя все так же вдаль, посерьезневший Катов кивнул подбородком на стоявшего напротив него гида. – Тебе придется решить с ним данный вопрос.

Вновь повернувшийся к Катову блондин что-то промышчал, после чего в помещении воцарилась относительная тишина: разговор сошел на нет. Однако буквально вслед за этим в бар зашел еще один мужчина – последний участник группы. Высокий и худой шатен с припорошенными снегом волосами, с узким острым лицом, он был одет в плотный удлинненный пуховик цвета хаки и темно-синие брюки. Едва переступив порог, вошедший приостановился, озираясь по сторонам и аккуратно счищая с головы и плеч белые осадки. В этот момент Катов заметил его и явственно приободрился, хоть и продолжал сидеть, расслабленно откинувшись на спинку стула.

– Уолкотт! – зычно воскликнул он.

Вошедший повернулся на звук; встретившись взглядом с его источником, он слегка откинул голову назад.

– Катов! – отозвался Уолкотт весьма похожим тоном и провел рукой по волосам, убирая их назад. Только после этого он растянул губы в подобие улыбки и двинулся навстречу окликнутому его человеку, чинно ступая по терракотовому ковровому покрытию. Уолкотт обошел стол, на ходу расстегивая и снимая с себя пуховик, и остановился именно у того стула, который был заранее для него подготовлен.

– Добрый вечер, – мимоходом бросил Уолкотт Катову на английском с роскошным природным британским акцентом, которым, помимо него, в помещении обладала только Мэри. Больше никого из присутствующих он не удостоил и взглядом, будто, кроме них двоих, вокруг были сплошь неживые декорации. Катов, все это время провожавший Уолкотта немигающим, полным любопытства взглядом, вместо ответного приветствия спросил:

– Английский, русский? – Он произнес это на первом из перечисленных им языков. – Вы, как мы уже успели установить, на русском довольно неплохо говорите?

– Работа вынуждает, – металлическим голосом отозвался Уолкотт, вешая куртку на стул и отодвигая его. – Выбирайте вы.

– Что ж, – ухмыльнулся Катов, тотчас же перейдя на русский. – Как самочувствие?

– Все хорошо. – Уолкотт небрежно повел плечом и сел, и вместе с тем опустили задранные вверх головы Сергей и Антон, наблюдавшие за новоприбывшим с умеренным воодушевлением. У Германа же, наконец, появилась возможность украдкой рассмотреть Уолкотта получше: сероватая кожа, глубоко посаженные светло-зеленые глаза, точеный нос, тонкие губы; на вид он был немногим старше Сергея. Не успел Уолкотт разместиться за столом поудобнее, как Катов вновь заговорил, пододвигая к нему четвертый, нетронутый стакан с золотистым напитком.

– Не буду скрывать, вчера вы превзошли все самые смелые мои ожидания, – сказал он, заговорщически улыбаясь, – при этом в его глазах промелькнули искорки. – Я лично себя едва собрал с утра.

Уолкотт на мгновение замер с едва заметной тенью замешательства на лице, потом небрежно хмыкнул и прислонился к спинке стула. Он чуть повернулся вполоборота к Катову и закинул ногу на ногу.

– Столик забронирован? – спросил он вдруг.

– Само собой. Отсюда сразу же туда?

Уолкотт пожал плечами так, что это можно было расценить как согласие. Это Катов и сделал.

– Прекрасно, – вымолвил он с ухмылкой, продолжая внимательно рассматривать потянувшегося за стаканом собеседника.

Герман обвел взглядом всю эту группу из четырех человек, которую успел окрестить про себя «группой Катова», потом скользнул взором по братьям, дамам, парню в неоновой лаймовой куртке и, наконец, Раулю. Люди как люди. Он знал, что первое впечатление частенько бывает ошибочным – особенно при знакомстве с большим количеством человек одновременно. Еще ничего не давало понять, чем могло обернуться тесное общение с каждым из них.

II

Рауль закончил просматривать разложенные перед ним бумаги и выпрямился. Слегка размяв затекшую шею, он бросил взгляд на висевшие над входом в бар часы, после чего повернулся к сидевшим за столом людям и изрек:

– Что ж, давайте начнем. – Он произнес эту фразу полувопросительным тоном, посмотрев почему-то в упор на Катова. Тот вместо ответа лишь смерил гида недовольным взглядом и переключился на свои смартфоны: по очереди ткнул пальцем в экран каждого и бегло просмотрел новые уведомления. Герман тем временем оперся локтем о столешницу и повернулся всем корпусом к невозмутимому Раулю, который расправил плечи и, слегка улыбнувшись, открыл вечернее собрание.

– Я рад вас всех снова приветствовать. – Гид обвел окружающих мягким взглядом. – Завтра в семь утра мы уже пустимся в путь, и перед этим нам осталось лишь обсудить маршрут грядущего дня. Но для начала позвольте мне вам кое-кого представить...

– Ближе к делу, мы все уже представлялись, – сухо перебил его Катов, скрестивший перед собой руки в нетерпеливом ожидании. На лице Рауля отобразилось мимолетное и едва уловимое замешательство; глубоко вдохнув, он остановил было взгляд на Германе, но тут же обернулся и подозвал все это время находившегося позади парня в неоновой лаймовой куртке. Тот с готовностью сделал два шага вперед и встал на одну линию с гидом. Это был худой юноша приятной наружности со светлым сияющим лицом и блестящими темно-кариими глазами, внешние уголки которых были изящно приподняты. На носу виднелась едва заметная горбинка, а челка спускалась чуть ниже бровей; он суетливо провел рукой по прямым черным волосам, попытавшись убрать их назад.

– Это мой помощник, его имя Минсу, – как ни в чем не бывало пояснил Рауль. – В случае возникновения каких-то вопросов или проблем, если меня не окажется поблизости, обращайтесь к нему. Минсу говорит и по-английски, и по-французски.

– Добрый вечер, – негромко произнес помощник гида бархатным голосом, застенчиво улыбаясь присутствующим. Его тут же поприветствовали полные энтузиазма путешественники, в том числе Герман. Он был в приподнятом состоянии духа; тем не менее он не смог не отметить, что этих приветственных голосов было намного меньше, чем людей в помещении. Герман украдкой оглянулся на членов группы Катова и не ошибся: каждый был тихо занят чем-то своим. Их предводитель ухмылялся, глядя в один из смартфонов; уставился в свой смартфон и Сергей, что-то бесшумно в нем печатая, в то время как Антон, всматриваясь куда-то вдаль, непринужденно потягивал напиток из стакана. Один лишь Уолкотт, казалось, следил за происходящим: он так и продолжал сидеть вполоборота к Катову, закинув ногу на ногу, только теперь еще и опирался одной рукой о спинку собственного стула и постукивал пальцем второй по столешнице.

– Ну а теперь перейдем к маршруту, – произнес Рауль, доставая карандаш из внутреннего кармана расстегнутой куртки, которую он за все время пребывания в помещении так и не снял.

Стоявший рядом с ним Минсу проворно поднял со стола весьма потрепанную карту местности, после чего раскрыл ее так, чтобы наглядно продемонстрировать отрезок пути, который ожидал путешественников на следующий день. Рауль придиричливо осмотрел картинку и поправил ее, слегка наклонив вперед.

– Подержи вот так, пожалуйста, чтобы всем было хорошо видно. Итак. Ничего сложного, – сказал гид, поворачиваясь к слушателям.

Указывая время от времени карандашом на карту, он принялся описывать нюансы предстоящего дня, делая упор на необходимости тщательно прибирать за собой после каждого привала. Это не заняло у него много времени. В конце своего повествования Рауль напомнил о

правилах безопасности, возможных экстренных обстоятельствах и действиях, которые необходимо предпринимать в случае их возникновения.

– Все это вы уже читали в электронных письмах нашей компании, – отметил гид.

Герман слушал его предельно внимательно, хотя не только хорошо изучил все эти письма, но и не раз успел обсудить детали маршрута с ним лично, по видеосвязи: вдруг Рауль скажет что-то новое. Однако, несмотря на свою сосредоточенность на теме, в какой-то момент взгляд невольно скользнул в сторону группы Катова: они по-прежнему были абсолютно не заинтересованы происходящим. Сергей разглядывал что-то на рукаве своей футболки, внимание остальных же было полностью сосредоточено на смартфонах: Катов печатал большими пальцами обеих рук, двое других просто что-то листали.

Герман насторожился было, но тут же решил не придавать такому поведению особого значения. Это еще не могло говорить о том, что мужчины параллельно своим действиям не слушали или же в целом не знали, как вести себя в походе. Пара фраз, которыми он успел обменяться с Антоном, слегка озадачивала, это правда; но остальные вполне могли оказаться настолько бывалыми туристами, что Герману с его опытом в два пеших похода – по Карелии и Алтаю – и одному лыжному в этом же альпийском регионе оставалось бы им только позавидовать. Он скользнул взглядом по дамам и братьям, ловившим на протяжении всего мероприятия каждое слово руководителя походной группы, и перевел его на гида.

– Если у вас есть какие-то вопросы, не стесняйтесь задать их мне по окончании собрания, – подытоживал тем временем Рауль. Он принял от Минсу карту и теперь аккуратно ее складывал. – Далее. Я надеюсь, что те, с кем я сегодняшним утром обсуждал экипировку отдельно, успели с ней разобраться. И все же, пожалуйста, задержитесь после нашего мероприятия. – Положивший свою карту на стол Рауль был дипломатичен и не обращался к конкретным лицам. – На всякий случай еще раз напоминаю: все то, что было указано в высланном заранее списке, должно находиться в ваших рюкзаках. В противном случае наша компания сохраняет за собой право не допустить вас к участию в прохождении маршрута.

– Столько пафоса, как будто мы завтра не в поход на лыжах идем, а на Эверест лезем, – донесся до Германа тихий ехидный комментарий на его родном языке. Он покосился на источник этого шепота, но не сумел разобрать, кому именно тот принадлежал. Герман лишь увидел, как Антон, лицо которого освещал экран смартфона, запрокинул голову и допил то, что было у него в стакане.

– Если кто-то утром не взял карту, сделайте это сейчас. – Рауль прикоснулся рукой к небольшой отдельной стопке сложенных перед ним пестрых бумаг. – Что касается теплых вещей, то я был рад отметить, что все подготовились соответствующе – молодцы. Этот февраль выдался у нас несколько более холодным, чем обычно. – Гид дал еще пару общих наставлений, после чего выдержал небольшую паузу. – Что ж, на этом, пожалуй, все. – Он слегка улыбнулся. – Желаю всем выспаться – завтра нам предстоит непростой день. Утром встречаемся около этого здания в 6:50. Постарайтесь не опаздывать.

– Не забудьте лыжи, – негромко добавил Минсу с улыбкой, тем самым слегка разрядив вдумчивую атмосферу.

На его реплику часть публики отреагировала веселыми ухмылками и смешками. Мик и Симон постучали по привычке костяшками пальцев о стол, но тут же, спохватившись, поблагодарили Рауля и его помощника, как и некоторые другие туристы. После этого братья поднялись со своих мест, что-то сказали сидевшим рядом дамам и с улыбкой махнули Герману, который отреагировал на это ответным жестом. Понимая, что они собираются уходить, он прибавил:

– До скорого!

– Увидимся завтра утром! – с воодушевлением ответили Симон и Мик. Распрощавшись с Раулем и его помощником, они первыми покинули помещение. Минсу обменялся с гидом парой комментариев, пожал ему руку и, надев шапку, тоже потихоньку устремился к двери, на

ходу доставая из кармана куртки смартфон; одновременно с этим из-за стола, оставляя на нем после себя по большей части недопитые стаканы, начали подниматься перешептывавшиеся члены группы Катова.

– Ты все слышал, – вдруг отчетливо донеслось до Германа с их стороны. Повернув голову на звук, он увидел, что выпрямившийся Катов выжидательно смотрит сверху вниз на сидевшего Антона. Тот кивнул – не сразу, нехотя. Созерцая его еще не более мгновения, Катов сгреб свой пуховик в охапку и повернул моментально просветлевшее лицо к Уолкотту, который уже стоял в скушающем ожидании с курткой в руках. Катов незамедлительно завел с ним новый беззаботный разговор, и бок о бок оба двинулись прочь из бара. Второпях застегнувший на себе пуховик Сергей поспешил за ними, на ходу натягивая темно-бордовую шапку.

– Мы сейчас туда, где вчера были? – громко уточнил он, настигая удалившихся вперед мужчин.

– Да. – Катов приостановился и, обернувшись, крикнул: – Антон, ты понял, да? Мы туда же, где вчера были. Догонишь.

– Ага, – отозвался Антон. К этому моменту он уже поднялся со стула и теперь медленно обходил стол. Катов повернулся к Сергею и чуть тише, но все равно довольно громко, добавил:

– Главное – до двух не засидеться, как вчера.

– То есть как сегодня, – помолчав, заметил заискивающе взиравший на него Сергей.

– Блин. – Сдвинувшийся было с места Катов вновь остановился и посмотрел на подчиненного. – А ведь ты прав, умник.

Плутовато посмеиваясь, Катов с Сергеем зашагали вперед и поравнялись с уже поджидавшим их у выхода Уолкоттом. Втроем они дружно удалились из помещения.

Герман, зная, что ему с Раулем придется говорить дольше всех, не торопился, давая другим шанс обсудить накопившиеся за время собрания вопросы. Однако Шарлин и Мэри еще сидели за столом, тихо переговариваясь и никуда не торопясь. Посреди зала, неприкаянный, стоял лишь Антон. Некоторое время он недовольно топтался на месте, после чего резко подошел к Раулю и выдал из себя какую-то фразу. Гид явственно озадачился; он закусил было губу, но вслед за этим кивнул и что-то ответил, указав рукой на выход из бара. Антон тут же двинулся туда, не поставив никакой точки в кратком диалоге. После этого Герман поднялся со стула и подошел к Раулю. Гид тут же обратил на него внимание, не отрываясь от дела: он принялся собирать разложенные листы бумаги, на каждом из которых была напечатана персональная информация об отдельном участнике похода и выбранном им маршруте. У Германа к этому моменту в голове роилось множество мыслей, и как-то само собой получилось так, что первой он с легкой улыбкой озвучил следующую:

– А ведь некоторые в твоей группе, оказывается, говорят на моем родном языке. – Он произнес это по-французски.

– Да... да. – Рауль кивнул. – Надо было раньше тебе сказать. Я как-то не подумал.

– Да это не столь важно, – пожал плечами Герман. – Просто довольно любопытное стечение обстоятельств, не находишь? То у тебя, насколько мне известно, с начала декабря не было групп с русскоговорящими участниками, то их вдруг насчитывается почти полсостава.

– Да уж, – хмыкнул гид, стукнув нижним срезом собранной стопки бумаг о стол и тут же аккуратно положив ее. Герман усмехнулся:

– Похоже, в этом походе у тебя будет прекрасная возможность попрактиковаться.

Рауль помолчал, положив руку на пояс и устремив на друга слегка посерьезневший взгляд.

– Не думаю, что мне доведется много с ними общаться. Вся эта компания довольно закрытая и обособленная... – Он слегка качнул головой вбок. – А для инструкций английского достаточно, они отлично на нем говорят. Кстати, думаю, ты понял, что только трое из

этой компании приехали из твоих родных мест, – уточнил гид. – Господин Уолкотт – тот, что последним зашел, – британец.

– Однако интересно, что русским языком он тоже владеет. Хоть, возможно, и не так хорошо, как ты.

– Лестная оценка, – усмехнулся Рауль. – Раз так, не будешь возражать, если мы с тобой будем время от времени переключаться на русский? Немного практики мне бы действительно не помешало.

– Я всегда к твоим услугам, – улыбнулся Герман. В это же мгновение краем глаза он уловил движение: Шарлин и Мэри потихоньку начали вставать из-за стола.

– Между прочим, не думай, что я не заметил, – пока еще по-французски продолжил Рауль. – Ты приобрел самый настоящий парижский акцент.

– Ну что ты, до самого настоящего мне еще далеко.

– Не скромничай. Мне приятно, что ты так хорошо говоришь сейчас на моем языке. Ты и в прошлом феврале изъяснялся вполне сносно, но весь год от звонка к звонку я наблюдал улучшения, и, должен сказать, твой прогресс превзошел все ожидания. Молодец.

Дамы тем временем сделали по шажку навстречу говорившим и замерли неподалеку, явно намереваясь что-то обсудить с гидом. Поэтому бросивший на них взгляд Герман лишь слегка смущенно сказал:

– Что ж, я действительно уделял много внимания своему произношению.

Рауль довольно кивнул. Тоже заметивший образовавшуюся очередь, он добавил:

– Так... Давай я сейчас разберусь с остальными – это недолго, и после этого мы, наконец, пройдемся по твоей экипировке.

– Хорошо, – с готовностью успел произнести Герман, прежде чем гид добавил:

– Я могу подняться, чтобы тебе свой рюкзак туда-сюда не таскать.

– Отличная мысль. Сто третий номер.

Рауль поднял большой палец вверх в знак того, что принял информацию. Герман повернулся лицом к Мэри и Шарлин.

– До свидания, – добродушно произнес он.

– Увидимся завтра, – с веселыми улыбками откликнулись дамы.

«Здорово, что я уже успел найти точки соприкосновения с некоторыми членами группы», – подумал Герман. Из-за этого грядущий день уже рисовался ему полным неприужденного, душевного и веселого общения. Довольный, он взял со стола одну из лежавших отдельной стопкой карт, развернулся и направился к выходу из бара. Но не успел перешагнуть его порог и очутиться в просторном светлом фойе, как услышал откуда-то справа неопределенный возглас:

– Эй!

Голос показался Герману знакомым, и он сначала решил, что там продолжался какой-то разговор задержавшихся членов группы Катова. Однако, повернув голову по направлению к источнику звука, он увидел находившегося в полнейшем одиночестве Антона. Нетерпеливо поигрывая телефоном в руке, тот восседал в большом кресле и буравил Германа глазами. Испытавший легкое недоумение Герман на всякий случай оглянулся, но, кроме них двоих, больше никого не было. Пришлось признать, что возглас был обращен именно к нему.

– Он там скоро? – требовательно спросил Антон по-русски сразу же, как поймал его взгляд.

– Кто?

– Ну, проводник.

– Гид? – уточнил Герман.

– Без разницы. Он там скоро? Сказал подождать здесь, а сам где-то застрял.

Герман ответил не сразу:

– Скоро, наверное.

Антон принял информацию безмолвно; мгновение он еще смотрел на собеседника, а потом уставился в экран своего смартфона. Герман же с досадой задумался о том, насколько неудачно складывался у него как первый, так и второй диалог с этим человеком. Уходить на такой ноте – не лучшая мысль. С группой Катова ему предстояло провести несколько дней, а значит, сейчас было необходимо как-то спасти разговор с одним из ее членов и таким образом заложить фундамент для столь необходимых в походе если уж не товарищеских, то хотя бы просто доброжелательных отношений.

На эти соображения у Германа ушло совсем немного времени, но вместе с тем он впервые сумел, наконец, рассмотреть Антона получше. Высокий, слегка сутулый, он казался тонким и даже несколько хрупким. Сложно было распознать его истинный возраст: одновременно мог сойти и за мужчину лет тридцати, и за подростка. У Антона были очень светлые волосы с растрепанной челкой, бледно-голубые глаза, длинный острый нос и тусклый, бесцветный тон лица. Бледность до такой степени проходила через весь его облик, что Антон казался непримечательным: если бы Герман увидел этого человека в толпе на улице, он тотчас же позабыл бы его внешность.

В следующее же мгновение взгляд Германа скользнул по пуховику насыщенного, сочного голубого цвета, наброшенному на подлокотник кресла, и остановился на темно-серой футболке, в которую Антон был одет, – ее размер оказался несколько больше, чем это необходимо, и только подчеркивал худобу блондина. Посередине футболки красовалась какая-то крупная серебристая надпись. Вчитавшись в нее, Герман просиял: вот она, подходящая тема. С легкой улыбкой он тут же отвесил своего рода комплимент и признание в отменном вкусе:

– Хорошая группа. Мне она тоже нравится.

Антон, судя по всему, не ожидал, что его могут попытаться вновь вовлечь в разговор. Он нахмурился; льдистые, обрамленные белесыми ресницами глаза с сузившимися зрачками обдали Германа холодом. Тут же сообразив, о чем шла речь, Антон посмотрел на свою футболку и молча коротко кивнул.

– У них такие сильные тексты, не правда ли, – попробовал продолжить Герман, уже, впрочем, понимавший бессмысленность своей затеи. – В каждой песне не только оригинальная история, но и красиво, умело подобранные слова...

– Я не вслушиваюсь в слова, – равнодушным, бесцветным голосом перебил его вновь уставившийся в смартфон Антон. – Но музыка тяжелая, как я люблю, да.

Выражение его лица оставалось абсолютно безучастным; Герман же слегка приподнял бровь.

– Не вслушиваетесь? Но разве не в словах смысл? – осторожно поинтересовался он.

– Как по мне, это абсолютно ненужная информация.

– Ого, – невольно вырвалось у Германа. Антон на это лишь с презрением фыркнул. Разговор зашел в тупик, не успев толком начаться. У Германа не было иного выбора, кроме как оставить не настроенного на общение собеседника в покое. Трогаясь с места и проходя мимо продолжавшего что-то изучать в собственном смартфоне блондина, он тем не менее бросил напоследок:

– До свидания.

Антон оставил эту реплику без внимания, да Герман уже особо ни на что и не рассчитывал. Он пребывал в легком замешательстве, но не из-за сути диалога, а из-за того, насколько неприятным оказался настрой собеседника. Особенно это было странно в начале похода, в который путешественники не в последнюю очередь отправляются ради того, чтобы завести знакомства с новыми интересными людьми, с теми, кого в своей обычной повседневной жизни они вряд ли когда-нибудь встретят. Впрочем, тут же решил для себя пересекавший фойе Герман, заморачиваться из-за случившегося вряд ли стоило – возможно, поглощенный происходя-

щим по ту сторону экрана смартфона Антон был просто занят, или же что-то еще до вечернего собрания успело испортить ему настроение. Как бы то ни было, сейчас Герману необходимо было сконцентрироваться на более насущных вещах. С этими мыслями, прибодрившись, он миновал лифты рядом с пустовавшей на тот момент стойкой регистрации, свернул налево к деревянной скрипучей лестнице и поднялся на второй этаж, где располагался его номер.

III

Очутившись в своем номере, Герман включил свет, ненадолго прислонился спиной к двери и тотчас же почувствовал, что всколыхнувшийся было во время собрания азарт, который охватывал его всякий раз, когда он думал о предстоящем приключении, затмила собой бескрайняя усталость. Весь день Герман старался не обращать внимания на обыкновенно сопровождающие недосып отголоски головной боли и легкую резь в глазах, но теперь, прислушавшись к себе, поразился их интенсивности. На мгновение он приложил одну руку тыльной стороной ко лбу, а потом взглянул на другую, в которой до сих пор была зажата карта местности. Герман развернул ее, одновременно с чем сделал шаг к рюкзаку, занимавшему собой весь стул возле небольшого письменного стола. Карта была совершенно новая. Хотя и довольно поверхностная – для любителей, не такая, какую демонстрировали сегодня Рауль и Минсу, – она все же была лучше той, что удалось найти в интернете и заблаговременно распечатать. Удовлетворенно кивнув, он сложил и сунул ее в боковое отделение рюкзака, туда же, где лежали другие необходимые бумаги.

Надо бы сделать важный звонок, подумалось ему. Как только Герман заселился в отель, на него навалилось столько дел, которые надо было решить до начала собрания, что он даже ни разу не дотронулся до своего смартфона. Однако и сейчас было не лучшее время – Рауль мог подойти в любой момент. Вздыхнув, Герман неспешно приблизился к расположенному напротив двери окну с желтыми занавесками. Он принялся наблюдать за тем, как редкие снежинки медленно оседают в воздухе по ту сторону стекла. Герман стоял так до тех пор, пока не понял, что от этого занятия его глаза начинают слипаться. Он потер их, вновь разворачиваясь к центру комнаты. В ожидании Рауля надо было чем-то занять себя, чтобы сохранить остатки бодрости. В подсознании яркой вспышкой мелькнула обыденная вроде бы картинка: клавиатура и экран. Компьютер остался дома, и как же непривычно было без него! Герман невольно отметил, что мысли в который раз за день вернулись к работе, хоть он и пообещал себе внять советам коллег и отвлечься от нее на все время отпуска. Однако это было не так-то просто: Герман горел идеей настолько, что привык двигаться к цели в любое время дня и ночи. Поэтому сама мысль о том, чтобы ненадолго сознательно перестать заниматься чем-то полезным, казалась ему противоестественной. Как и многих других полностью поглощенных каким-либо делом людей, резко обнаруживших себя в среде, которая вынуждает их расслабиться и отвлечься на беззаботное занятие, в первый день отдыха его еще не покидало ощущение, что он что-то упускает.

Одолеваемый этими сомнениями, Герман подошел к стоявшей напротив стола кровати, сел на нее и за неимением компьютера или хотя бы ноутбука достал из кармана брюк смартфон. Он посмотрел на выключенный экран так, как будто тот мог ответить ему на какой-то невысказанный вопрос, а потом взгляд скользнул сквозь него. Зная, впрочем, что так он нужный фрагмент не найдет, Герман набрал в поле поиска определенную комбинацию символов. Однако ему, привыкшему к двум широким мониторам с параллельно открытыми на них вспомогательными приложениями, пришлось признать – не в первый раз, – что на смартфоне он вряд ли может сделать что-то толковое, тем более в состоянии такой усталости. Герман закусил губу, вернулся на главную страницу и немного поиграл в недавно установленную игру.

Наконец послышался стук в дверь.

– Это я, – раздался из коридора голос Рауля.

– Открыто, – сказал Герман, откладывая смартфон в сторону, на желтое покрывало, и поднимаясь на ноги. Дверь отворилась, пропуская внутрь гида – он был по-прежнему одет в расстегнутую куртку. – Заходи, – радушно пригласил его Герман и указал жестом на практически полностью упакованный рюкзак: огромный, черно-оранжевый с серыми вставками.

– Как настрой? – первым же делом уточнил Рауль веселым тоном, перейдя на русский. Он тихо притворил за собой дверь и сделал пару шагов вглубь номера, осматриваясь: слева – дверь в ванную комнату и односпальная деревянная кровать у стены, справа – крючки для одежды, стол и стул.

– Не могу дождаться завтрашнего дня, – честно признался Герман. Рауль довольно улыbnулся, продолжая озиаться так, будто искал что-то определенное. Лишь оглянувшись, гид увидел то, что его интересовало: к углу между входной дверью и крючками, на которых висели темно-синяя флисовая куртка и ярко-красный пуховик, были прислонены белые лыжи. Рауль тут же внимательно их осмотрел, проведя ладонью по каждой – руки у него были грубые, сухие и обветренные, с покрасневшими костяшками. Гид проверил крепление, время от времени кивая, после чего вновь повернулся к Герману лицом.

– Отличные лыжи. Ну что, приступим? – Рауль жестом указал на рюкзак. Облокотившийся к тому времени о спинку стула Герман с готовностью наклонился и достал из того же бокового отделения, куда совсем недавно спрятал карту, один из сложенных вчетверо листов. Развернув его, он протянул бумагу гиду.

– Это высланный тобой список снаряжения. Чтобы проще было сверить.

– Отлично. Но я и так храню все тут. – Рауль прикоснулся пальцем к виску, после чего заинтригованно уставился на рюкзак. – Девяносто литров? – уточнил он, хотя наметанным глазом и так это видел.

– Да, как ты и рекомендовал, – ответил Герман, убирая распечатку. – Не многовато?

– В самый раз. Семь дней ведь, если не больше, к тому же зима. У тебя все почти под завязку уже забито, видишь?

– Да. И все же он просто гигантский. – Герман хмыкнул и добавил: – Каких только шуток на его счет я не слышал со стороны Веры. Пожалуй, самым запоминающимся было ее предположение, будто я в него заберусь, и ты понесешь меня наверх на спине.

Рауль прыснул.

– При всем желании ты все-таки в него не поместишься.

– Увы. – Герман рассмеялся.

Похихикав, Рауль изрек:

– Вот что. Давай-ка мы сейчас посмотрим на оборудование, с каким ты будешь работать впервые. В том, что ты правильно собрал все остальное, я не сомневаюсь.

Для человека, который пользуется когда-то изученным иностранным языком далеко не ежедневно, у Рауля был на удивление богатый словарный запас и практически полное отсутствие ошибок в грамматике. Гид говорил с явственно различимым, но приятным акцентом и лишь изредка делал паузы, подбирая нужные слова.

Герман с готовностью отстегнул от внешней части рюкзака требуемое снаряжение. Однако для того, чтобы извлечь уже находившиеся в его недрах элементы экипировки, ему пришлось изрядно повозиться: необходимо было аккуратно достать все упакованные поверх них вещи.

– Один только минус есть во вместительных рюкзаках, – произнес Рауль, задумчиво наблюдавший за этим действием, – вечерами надо все из них вынимать, чтобы добраться до спального мешка, и каждое утро складывать обратно. Поэтому скажу по секрету, – он усмехнулся, – когда мы говорим, что выход назначен на восемь утра, то понимаем, что раньше половины девятого в путь не двинемся. Такие задержки, разумеется, не только из-за рюкзаков случаются, но тем не менее.

Выложивший к этому моменту все необходимое оборудование на стол Герман тоже усмехнулся. Рауль же со знанием дела принялся осматривать содержимое. Что-то он изучил поверхностно, на чем-то заострил внимание, а что-то досконально ощупал, в то время как Гер-

ман с интересом следил за его манипуляциями. Окончив эту процедуру, гид удовлетворенно кивнул, но с долей сомнения в голосе вымолвил:

– Все такое новое, будто только что с завода. Ты в нашем прокате брал? У информационного центра?

– Я еще до вылета все это купил, – ответил Герман. – В прокате взял только лыжи.

– Купил? – Рауль, которого не так-то просто было удивить, остановил на друге изумленный взгляд. Герман слегка улыбнулся и пожал плечами.

– Да. Я очень надеюсь, что для меня это только начало.

– Отличный настрой! – Лицо гида озарилось одобрением и энтузиазмом. – Но, стало быть, все это снаряжение еще не было протестировано в тех условиях, для которых создано... для которых предназначено?

– Нет, оно совершенно новое. Хотя я и прошел базовый курс подготовки, мы затрагивали на нем только теорию. Но консультант уверил меня, что насчет этих конкретных моделей еще не поступало никаких претензий. Он сам такими якобы не первый год пользуется.

– Да, эти две фирмы я знаю, – кивнул Рауль, медленно обводя взглядом некоторые разложенные на столе предметы, – и негатива об их продукции почти не слышал. Ну а что касается тестирования... на то нам и тренировка.

– Я ждал, что рано или поздно тема тренировки всплывет, – после недолгой паузы осторожно произнес Герман. – Я ведь пропустил ее из-за задержки рейса. Что теперь делать?

– У нас еще будет возможность провести ее на четвертый день похода, – уверил Рауль. – Там есть подходящее место.

Герман выдохнул с облегчением.

– Прекрасно. Не буду скрывать, я сильно переживал из-за этого. – Слегка приободрившись, он принялся укладывать извлеченную из рюкзака экипировку обратно.

– Я бы не пустил тебя без тренировки дальше, – усмехнулся гид. – Безопасность превыше всего. Имей в виду, на всякий случай на той стоянке у нас хранится запасное снаряжение. – С этими словами он взял со стола кое-что из оборудования и протянул предмет тут же перехватившему его Герману. – Так что не беспокойся, все пройдет замечательно.

– Очень на это надеюсь.

– Иначе и быть не может.

– Ну все, хорошо, ты меня убедил, – слегка рассмеялся Герман. Он застегнул рюкзак и, положив руки на бедра, повернулся к Раулю. – Теперь что? Обсудим полный маршрут?

– Если хочешь, – пожал плечами гид. – В принципе, завтрашний день уже подробно обговорен, а остальное мы еще по видеосвязи охватили. По пути нам с тобой все равно не раз предстоит многое детально разбирать. Но если есть вопросы...

– Да нет, в целом мне все понятно.

– Карта у тебя есть? – Рауль вдруг посмотрел на него очень серьезно. – Иметь собственный экземпляр гораздо важнее, чем может сначала показаться. Завтра по просьбе Мэри и Шарлин я проведу среди дня краткий урок ориентирования на местности и буду подробно об этом говорить.

– Ориентирование на местности? – улыбнулся Герман. – Отличная идея.

– Ты и так, конечно, все знаешь, но...

– ...никогда не бывает лишним освежить свои знания, – закончил Герман за Рауля. Тут же он снова слегка наклонился и хлопнул рукой по боковому отделению рюкзака. – Карта у меня есть, вот здесь. Но я все хорошо запомнил. В первый день идем на юго-восток, – встав бок о бок с Раулем, он поднял руку и принялся расчерчивать местность в воздухе, – на второй поначалу двигаемся еще южнее, к озеру, после чего повернем на север. – Он описал пальцем дугу. – На третий день нам сначала придется пройти еще чуть восточнее... и так далее. Могу

более подробно рассказать, если хочешь, – Герман повернулся к Раулю лицом и заметил, что губы гида растянuty в довольной улыбке.

– Вижу, ты и впрямь хорошо все запомнил. Молодец.

– Спасибо, – весело отозвался молодой человек и тут же добавил: – Один вопрос у меня все же есть. Сколько нам предстоит обходиться без связи? Как я понял, весь завтрашний день она еще будет?

– Да, завтра будет. А потом уже только когда вернемся.

– То есть на седьмой или восьмой день... – задумчиво пробормотал Герман, что-то прикидывая в уме.

– Ты ведь имеешь в виду сотовую связь? – уточнил Рауль.

– Скорее даже интернет, чем сотовую.

– Ну... – задумчиво протянул гид. – Да, все это должно днем работать, пока мы будем находиться в относительной близости от населенных пунктов, – хотя, судя по отзывам, интернет в какой-то момент может начать барахлить. Но на месте первой стоянки есть вайфай, то есть и завтрашним вечером, и даже послезавтра с утра связь тоже будет. Впрочем, – продолжил рассуждать он, – вряд ли кто-то успеет ею воспользоваться, ведь вскоре после подъема мы должны будем выдвинуться в путь. В восемь тридцать. – Рауль смешливо сверкнул глазами. – А потом – да, готовься к тому, что снова все заработает только по возвращении сюда. Разумеется, полностью отрезанными от цивилизации мы не будем. У нас с Минсу есть рации для связи с Базой и друг с другом, ну и спутниковый телефон на всякий случай.

– Да, конечно, – кивнул хорошо осведомленный об этих тонкостях Герман.

В разговоре наметилась пауза; Рауль еще раз огляделся, после чего улыбнулся и произнес:

– Ну что ж, на этом, пожалуй, все.

Герман хотел было поблагодарить гида и распрощаться, однако в мыслях его вдруг невольно всплыла картинка, слегка насторожившая его. Когда как не сейчас, лицом к лицу с руководителем похода, попробовать немного развеять сомнения? Чуть помедлив, он произнес:

– Рауль... Можно задать тебе вопрос про нашу группу?

– Конечно.

– Вся эта отдельная компания – они опытные туристы?

– Ты имеешь в виду господина Катова и его окружение?

– Да.

– Опытные туристы? – Рауль немного помолчал, припоминая. – Что ж, господин Уолкотт – любитель хайкинга, но на лыжи, кажется, встал совсем недавно. Господин Катов, напротив, бывалый лыжник, а вот участвовал ли он в походах раньше – это мне неизвестно. Двое других – новички.

– Ясно, – вымолвил Герман и тут же рискнул задать еще один вопрос: – Можешь мне сказать, этот господин Катов – кто он вообще такой?

– Точно не знаю. У него какая-то высокая должность в своей компании.

– Ясно, – повторил Герман, качнув головой. Гид внимательно посмотрел на слегка задумавшегося друга и изрек:

– Постарайся особо не засиживаться сейчас, ложись спать пораньше. Если больше вопросов нет, я тебя покину – надо бы уладить еще пару формальностей перед началом похода...

– Да, конечно, не буду тебя задерживать. Имей в виду, завтра я прямо за тобой пойду, вторым. – Герман улыбнулся и хлопнул Рауля, который был практически одного с ним роста, по плечу.

– Я и не сомневался, – с ухмылкой отозвался тот. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Рауль кивнул на прощание и вышел. Закрыв за ним дверь, Герман оглянулся – смартфон по-прежнему лежал на покрывале. Герман подошел к кровати, взял в руки устройство, сел и,

опершись локтями о колени, наконец-то набрал номер Веры, которая ответила практически сразу же. Они проговорили немало и долго еще не могли распрощаться, прежде чем отключились. Довольный беседой, Герман признал, что настало время отвезти чемодан в камеру хранения и, следуя совету Рауля, ложиться спать. Взгляд его упал на лежавшую на прикроватной тумбочке книгу, которую начал читать в самолете. Поднявшись, он взял ее в руки и отнес к стоявшему у окна небольшому черному чемодану. Герман разложил его и убрал книгу внутрь, где уже покоились сумка для перевозки снаряжения и вещи, которые требовались во время перелета, но в походе не были нужны. Герман снял с себя свитер, под которым оказалось нехитрое черное термобелье, и отправил его туда же. На всякий случай оглядев помещение еще раз, он застегнул чемодан и поставил его на колесики, после чего подошел к крючкам для одежды, надел дождавшуюся своего часа темно-синюю флисовую куртку, взял чемодан за ручку и отвез его в камеру хранения на первом этаже. Во время этой небольшой вылазки Герман сумел заставить себя не предаваться ненужным – не тревожным, но и не спокойным – размышлениям, поэтому, когда вернулся в номер, сразу, как только его голова коснулась подушки, погрузился в безмятежный сон.

IV

До рассвета оставалось еще около получаса, и только череда фиолетово-багряных всполохов на востоке намекала на то, что новый день готовится вступить в свою силу. Контуры отеля были хорошо видны благодаря еще работавшей в эти предутренние часы мягкой подсветке. Белый крест сиял посреди огромного красного полотнища, ниспадавшего с верхушки широкого двухэтажного здания. За ночь редкий снег перестал идти; воздух был чист и прозрачен. Легкий ветерок время от времени покачивал старинную деревянную вывеску под резной крышей отеля, заставляя ее еле слышно поскрипывать.

Парадная дверь с небольшим крыльцом выходила на восток. Там, за овальной подъездной площадкой, было припорошенное толстым слоем рыхлого снега пространство с редкими невысокими елями. Относительно прямое, оно уходило вперед на несколько метров, после чего резко спускалось в долину. В этом месте и пролегалла граница курортного городка; за ней раскидывалось чарующее бесконечное царство нетронутой природы. Справа виднелись темные очертания хвойного леса, а слева – необъятный траверс гор, отделявших на горизонте небо от земли и принадлежавших обоим этим стихиям одновременно. Прямо же даже в относительной темноте отчетливо угадывались отражавшие любое мало-мальское сияние небесных светил широкие снежные просторы. В этом направлении путешественники и должны были с минуты на минуту выдвинуться под руководством Рауля.

В ярко-красном пуховике, с надетым на плечи рюкзаком, Герман стоял неподалеку от крыльца отеля. Одной рукой он обнимал вертикально поставленные на землю лыжи, а другой опирался на палки для них. Выспавшийся, он был в приподнятом настроении и с упоением ждал мига, когда походная группа пустится в путь. В очередной раз за последние несколько минут он обратил свой взор вперед, на постепенно расцветавший медными красками восток, и мечтательно всмотрелся в манящую, мерцающую, безлюдную голубую долину.

Помимо него, чуть раньше означенного времени снаружи отеля успели собраться остальные участники похода; главным образом они все разбрелись в разные стороны от ступеней крыльца. На расстоянии нескольких шагов от Германа, обратив спины к долине, а лица – к парадному входу, стояли Рауль и Минсу. Поставив массивные рюкзаки на землю рядом с двумя воткнутыми в снег комплектами лыж, гид и его помощник что-то обсуждали, попутно сверяясь с маленьким блокнотом в руках Рауля. Герман уже успел перекинуться парой фраз как с ними обоими, так и с еще полусонными Шарлин и Мэри – с тех пор дамы успели отойти в сторону и теперь о чем-то переговаривались по-французски. Но если эта пятерка, включая Германа, стояла в относительной близости друг от друга, то остальные находились на некотором отдалении. Так, на ступенях крыльца сидели Уолкотт и Сергей, а максимально ото всех отошел Катов. Герман в одной флисовой куртке стоял спиной к отелю у северной границы подъездной площадки, упирая руки в бока, и пристально всматривался в заснеженное полотно дороги. Время от времени он безуспешно пытался кому-то дозвониться, после чего неизменно чертыхался. В какой-то момент Катов круто развернулся, едва скрывая написанное на лице недовольство, но практически сразу же усмехнулся и неспешно подошел к молчаливо скучавшим на короткой лестнице мужчинам. Герман же, напротив, не видел их, но неплохо слышал.

– Всего два люкса на весь отель – и такие неудобные. – Он слегка покрутил шейю, разминая ее. – Не правда ли, Уолкотт?

Катов уже не спрашивал его мнения насчет языковых предпочтений и теперь без долгих церемоний обращался к нему исключительно по-русски. Возникла небольшая заминка.

– Редкостная дрянь, – в конце концов небрежно согласился Уолкотт, полубоком развалившийся на ступенях спиной к Сергею.

– Это все моя секретарша. «Берите в том же отеле, где находится место сбора, будет удобнее...» Ничего подобного. Я обязательно отчитаю ее по возвращении.

– Не помешало бы.

– У вас хотя бы люксы, – пробурчал Сергей, едва узнаваемый за натянутым до носа шарфом и надвинутым на глаза капюшоном. Он поежился в своей куртке и вздохнул; белесый пар, пронизавший шарф насквозь, поднялся вверх тонким полупрозрачным облачком и тут же растворился в предутренней тьме.

Катов Сергея будто не услышал. Он отвернулся и уставился туда же, куда хмуро взирал прежде, стоя на границе подъездной площадки.

– А вот и они, голубчики! – тут же процедил он.

Действительно: вдалеке сверкнули фары свернувшей на прямую дорогу машины. Черный минивэн за пару-тройку десятков секунд преодолел отделявшее его от отеля расстояние и, шурша колесами по снегу, остановился возле крыльца. Из автомобиля тотчас же, не погасив разрезавший полумрак свет фар и даже не прикрыв за собой передние двери, выпрыгнули двое мужчин в теплых черных одеждах с таким же белым логотипом, какой был начертан на корпусе их машины. Катов, напряженно и пристально глядевший на минивэн всё это время, стоял практически неподвижно, однако казался при этом взвинченным, раздраженным.

– Где вас носит! – прошипел он по-английски подскочившим к нему мужчинам. – Мы договаривались без двадцати! А сейчас уже почти без пятнадцати!

– Прошу прощения за задержку, сэр... Трасса в это время года порой леденеет... – донеслись до Германа слова одного из мужчин, прежде чем тот убавил громкость в голосе.

– Так если вы знаете, что это может случиться, значит, и выезжать надо раньше, не так ли? – продолжал шипеть Катов. – Я за что вам деньги плачу?

– Еще раз приносим свои извинения...

– Вы знаете, сколько раз я вам звонил? Почему трубку не берете? Бездельники... Это же надо так опоздать!

Герман украдкой взглянул на простой серебристый циферблат часов, черный ремешок которых обхватывал его запястье, – шесть сорок три. Слегка успокоившийся Катов принялся что-то тихо объяснять подъехавшим мужчинам, указывая на вход в отель, но спустя некоторое время взорвался громким, полным негодования шелестящим шепотом:

– Я что, по-вашему, и на улицу их должен был выкатить? Может, мне еще и за руль сесть и самому все отвезти?

– Простите еще раз... это какое-то недоразумение... все в фойе, верно?

– Естественно, все в фойе!

Мужчины устремились к входу в здание и скрылись в помещении. Вскоре они выбежали оттуда с чемоданами и сумками, которые сразу же разместили в минивэне. Герман слегка развернулся, чтобы видеть крыльцо. Он заметил, как мужчины проделали еще несколько подобных заходов, с трудом огибая на ступенях ни разу даже не шелохнувшихся Сергея и Уолкотта. В какой-то момент они столкнулись в дверях с выходящим из здания Антоном. Он был в своей яркой голубой пуховой куртке нараспашку, в кремовой флисовой рубашке под ней и темно-бежевых брюках, с рюкзаком за спиной и лыжами в руках. Антон поначалу показался сбитым с толку, однако, когда мужчины вновь скрылись в фойе, он что-то крикнул им вдогонку, указав рукой куда-то внутрь помещения. После этого блондин взглянул в открывшиеся его глазам дали, недовольно втянул носом морозный воздух, закинул лыжи на плечо и спустился по ступеням. Зацепившийся за него взглядом Герман наблюдал, как Антон стремительно приближался. Прежде чем они поравнялись, он счел своим долгом положить новое начало их общению и повести себя так, будто никаких обменов репликами, натолкнувших его было накануне на беспокойные размышления, между ними не произошло.

– Доброе утро, – приветливо поздоровался Герман.

Собиравшийся в этот момент уже пройти мимо Антон чуть замедлил шаг и остановился, резко повернув голову. Его лицо было хмурым и в то же время неподдельно удивленным.

– Чего? – тихо, невнятно, будто поленившись полностью произнести это слово, переспросил Антон с ноткой самого настоящего возмущения в голосе. Его взгляд был раздраженным и пустым; подобная реакция привела Германа в замешательство, и закралось подозрение, что его попросту не узнали. Он попытался пояснить:

– Мы с вами вчера уже...

– Ага, ага, – продолжая хмуриться, Антон отвернулся, поставил лыжи на землю и резким жестом застегнул пуховик. После этого он вновь подхватил свою ношу и без лишних слов двинулся дальше – туда, куда направлялся изначально. Антон остановился неподалеку от Катова, у стоявших возле стен отеля стройным рядом невысоких елей, отделяющих окна первого этажа от улицы; там он обратил свое лицо к долине и воткнул лыжи в снег.

– Опаздываешь, – бесстрастно бросил Катов Антону.

– Да, извините, – буркнул тот.

Герман с едва скрываемым замешательством проводил Антона взглядом, понимая, впрочем, что особо обращать внимание на произошедшее и тем более принимать его на свой счет вряд ли стоило – этот человек и раньше не проявлял ни к кому особого дружелюбия.

«Пожалуй, нет больше смысла с ним заговаривать. Надо будет – сам подойдет», – беззлобно подумал Герман, еще продолжая некоторое время смотреть на Антона. Тот вдруг принялся нервно колотить лыжными палками снег.

Но как можно быть до такой степени мрачным в настолько многообещающий час? Герман и сам не привык начинать день так рано, еще и без чашки кофе, но предвкушение впечатлений, которые сулил поход, затмевали собой любые причины для недовольства. Путешественники пройдут по бескрайним белоснежным равнинам; вдохнут чистейшего альпийского воздуха; прочувствуют жизнь, если и не отрезанную полностью от времени, то, во всяком случае, существующую практически вне цивилизации; доберутся до гладких вод небольшого озера и в конце концов достигнут подножия горы, на которую... От картин, которые рисовало воображение, окрыленный Герман с мечтательным азартом усмехнулся.

Тем временем прибывшие к отелю на минивэне мужчины выскочили из здания, зажав в руках последнюю партию дорожных сумок, и принялись загружать их в автомобиль. Подоспевший вплотную Катов внимательно провожал взглядом все совершаемые ими действия.

– Стойте, – вдруг скомандовал он, когда один из мужчин приготовился положить последнюю сумку в машину. – Вытащите. Дайте вон ту, коричневую, с бежевыми ручками.

Добравшись до требуемой сумки, мужчина резко выдернул ее из салона и, невольно приопустив, охнул – она явно оказалась тяжелее, чем он ожидал.

– Аккуратно! Не смейте ставить на снег! – громко воскликнул вдруг Катов. Он расстегнул сумку и пошарил рукой в ее недрах. – Не эту, – заключил он через некоторое время. – Достаньте другую такую же, вон она.

Мужчина, державший ношу за обе ручки на весу все это время, молча повиновался. Катов заглянул внутрь второй извлеченной из машины сумки, вновь поискал что-то одной рукой внутри и достал из некоего потайного отделения небольшой блестящий предмет.

– Кто вас знает, может, еще обыщите мне там все по пути, – проворчал он.

Стоявший в непосредственной близости от происходящего Герман тут же всмотрелся в лицо мужчины, продолжавшего держать сумку, пока Катов ее застегивал. Глаза были полны нескрываемой досады, и Герман невольно наклонил голову с сочувствием, хоть мужчина на него и не смотрел. Спустя мгновение тот и вовсе отвернулся, чтобы вновь разместить сумку в минивэне.

– Какие бы неприятные эмоции ни были с этими часами связаны, просто так отдавать их в чужие руки все равно страшно, – с циничной усмешкой произнес Катов по-русски, обраща-

ясь через плечо к своим коллегам. Лицо Антона тут же расплылось в понимающей желчной улыбке.

– А, это те самые? – тут же встрепенулся сидевший за спиной Уолкотта Сергей. – Но зачем же вы их взяли? Вы ведь их не носите.

– Те самые, да. В спешке перепутал, хотел надеть другие... заметил только в аэропорту. – Катов хмыкнул, медленной валяжной походкой направляясь к ведущим в отель ступеням. – Давно уже пора от них избавиться. Может, замаячит на горизонте какая-нибудь подходящая интересная сделка... Продать такую вещь – это так скучно. А может, мне их просто взять и выкинуть? – Он цинично усмехнулся.

– Ну вы скажете тоже, выкинуть, – воскликнул Сергей. – Отдайте лучше мне.

– Еще чего. Тебе, чтобы до таких часов дорасти, еще работать и работать. – Катов взглянул на него со смешливой укоризной. После этого он подошел к крыльцу и наклонился к стоявшему неподалеку от расположившихся на ступенях мужчин рюкзаку.

– Что за история с этими часами? – нечетко выговаривая слова, поинтересовался Уолкотт после небольшой паузы.

– О, я обязательно расскажу вам ее в ближайшие дни, – с таинственным лицом пообещал Катов. Он расстегнул рюкзак и запрятал в него поблескивающую вещицу, после чего надел свою лежавшую до тех пор поперек деревянных перил золотистую куртку.

– И как вы не мерзнете по такой погоде, – заметил все это время наблюдавший за его действиями Сергей с каким-то оттенком зависти и восхищения.

– Мышечная масса, – похвалился Катов, застегивая пуховик. – Я ведь не просто так тягаю железо.

Герман, бывший невольным свидетелем происходящего, не смог сдержать ироничной улыбки, а Катов вдруг выпрямился, положив руки на бедра, оглянулся на минивэн, недовольно цокнул языком и посмотрел поочередно на Антона и Сергея.

– Есть ненужные франки? – Оба его сотрудника замешкались с ответом. – Давайте, давайте! Они вам больше не понадобятся.

Сергей полез во внутренний карман куртки и, медля, извлек оттуда портмоне; Антон же попереминался с ноги на ногу и пожал плечами.

– У меня наличных нет.

– У меня есть, – сказал вдруг Уолкотт, не спеша принимаясь расстегивать свой рюкзак.

– Что вы, что вы! – тут же запротестовал Катов. – Вы мой гость, даже не вздумайте.

Уолкотт молча застегнул рюкзак.

– Сколько надо? – спросил Сергей, держа несколько бумажек в руке.

– Давай сюда. – Катов резко выхватил все купюры из его рук. – Хотя все и оплачено заранее, на чаевые не будем скупиться, мы же не беднота какая-то.

Разложив банкноты, которых оказалось восемь, веером, Катов присвистнул:

– Нет, столько, пожалуй, будем им слишком жирно. – Он тут же свернул четыре бумажки и сунул их себе во внутренний карман. – Это оставим на потом, для вертолетчика... водителя вертолета... как он там называется?

– Вертолетных дел мастер? – предположил Сергей, не отрывая пламенного взгляда от купюр, остававшихся еще в руках Катова.

Тот хмыкнул, развернулся вокруг своей оси и подошел к закрывшим к этому времени багажное отделение и застывшим в ожидании мужчинам. Он дал им по две банкноты вместе с последними указаниями, после чего те не более и не менее учтиво, чем до этого, попрощались и сели внутрь машины: один – за руль, другой – на пассажирское сиденье рядом. Минивэн тут же тронулся с места. Осторожно обогнув устремивших на него бдительные взгляды Рауля, Минсу, Мэри и Шарлин, автомобиль описал вытянутый круг по просторной подъездной площадке.

Продавливая шинами свежавывапавший снег, он выехал на северную дорогу и через несколько мгновений скрылся из виду.

– Все, наш багаж будет ждать нас в хранилище аэропорта Женевы, – бросил Катов, возвращаясь к своим коллегам и Уолкотту. Первым в ответ на это раздался голос Антона:

– Спасибо, что все уладили.

– Все ведь всегда держится на мне. – Катов снисходительно развел руками.

– Благодарю, что занялись и моим багажом, – небрежно произнес Уолкотт по-английски. – Мне начинает казаться, что вам действительно можно доверить решение практически любого вопроса.

– Не стоит благодарности, – по-русски залюбезничал было Катов в ответ, а потом мгновенно посерьезневшим, железным тоном добавил: – Абсолютно любого.

Герману не было, в сущности, никакого дела до всей этой болтовни, однако говорили Катов и его собеседники настолько громко, что то и дело перебивали его собственные несущественные в этот ранний час мысли. Парадная дверь отеля снова отворилась: на крыльце наконец-то показали последние участники похода, Симон и Мик. Парень в зеленой куртке придержал за собой дверь и пропустил вперед брата в бордовой. Чуть наклонившись из-за тянувших их назад рюкзаков, с лыжами в руках, они аккуратно обошли по-прежнему неподвижных Сергея и Уолкотта и спустились по ступеням. Герман соображал: впереди – бордовая куртка, позади – темно-зеленая...

– Салют! – весело и на удивление бодро обратились к Герману братья, приблизившись. Их непослушные каштановые волосы выбивались из-под одинаковых черных шапок. Герман поприветствовал их поименно:

– Симон, Мик! Доброе утро.

Близнецы широко улыбнулись, кивнули и проследовали напрямик к Раулю. Гид тут же сделал в блокноте пометку, после чего сунул его в рюкзак; карандаш он спрятал за пазухой. Герман бросил взгляд на Минсу, чья неоновая лаймовая куртка была так же ясно различима в этот предраассветный час, как и яркий желтый пуховик руководителя тура, и неожиданно для себя зевнул.

Стрелки часов уже приближались к семи утра, когда поход официально должен был начаться. Рауль, как и Минсу, у которого он справился о точном времени, надел на плечи рюкзак, после чего ударил пару раз в ладоши для привлечения внимания. Из-за облежавших его руки плотных черных перчаток хлопки получились тихими и глухими, но члены походной группы, большая часть которых ожидала в нетерпении и была готова отреагировать на любое новое движение, сразу же обратили на него свои взоры и подошли поближе.

Рауль был весел и полон энергии. Он поприветствовал всех окруживших его людей широкой улыбкой и произнес небольшую ободряющую речь:

– Дамы и господа! Мы с вами стоим на пороге того, что отделяет нашу привычную, комфортную жизнь от прелестей, недоступных любителям пассивного отдыха. Нам с вами предстоит стать героями самого настоящего приключения, которое для каждого из вас будет совершенно особенным – ведь эмоции и ощущения от увиденного и преодоленного у всех будут индивидуальными, неповторимыми. Вам предстоит самим написать свою историю этого похода. Я надеюсь, что вас ждут исключительно приятные впечатления, несмотря на те физические усилия, которые нам всем придется приложить в последующие дни. Да, будет нелегко, подчас тяжело, а то и вовсе невыносимо... но мы справимся. – Рауль вновь улыбнулся. – Итак, вы готовы?

– Да! – послышался с разных сторон ответ.

– «Тяжело и невыносимо», так он сказал? Просто восхитительно, – донеслось до Германа тихое, произнесенное по-русски бурчание.

Рауль тем временем продолжал:

– Первую, совсем короткую, часть пути мы пройдем, не надевая лыж. Нам предстоит спуститься в долину и преодолеть некоторое расстояние, прежде чем мы выйдем на оптимально ровную поверхность, а там я дам команду. Сейчас выстраивайтесь все по одному и старайтесь двигаться по тому пути, что я проложу, – снега намело немало. Всем все понятно?

– Да!

– Тогда вперед.

Рауль задорно махнул рукой и, подхватив лыжи, развернулся, продолжая через плечо поглядывать на то, как участники похода выстраиваются за ним цепочкой. Минсу отправился в самый ее конец. Следуя за гидом, группа вереницей дошла до границы подъездной площадки, ступила на нетронутый снег и двинулась вперед. Рауль шествовал в умеренном темпе, высоко поднимая колени и огибая то и дело возникавшие на пути сугробы. Довольно скоро группа подобралась к резкому склону, по которому, как предупредил гид, надлежало спускаться боком. Герман следовал прямо за ним. Оглянувшись пару раз в те моменты, когда это было удобно, он увидел, что за ним шли сначала Мэри и Шарлин, потом близнецы, а затем – группа Катова.

Рауль то и дело замедлял шаг и оглядывался, следя за тем, как идут дела у остальных, а иногда даже приостанавливался, чтобы вместе с нагнавшими его членами походной группы подождать отстающих. Едва успевшие прибавить яркости небеса отбрасывали на землю умеренный и тусклый свет, но помощь фонаря в этот час уже была без надобности.

Хотя спуск в долину был довольно крут, сосредоточенные путешественники, продолжавшие двигаться связкой, сумели преодолеть его безо всяких происшествий. Выйдя, наконец, на относительно горизонтальную, хоть и чрезвычайно бугристую поверхность, многие из них не без интереса отметили, что снег не был здесь столь рыхлым, как на заметенном сугробами пространстве между подъездной площадкой и склоном. Странно, подумал Герман, обернувшись, – вроде бы путь вниз не занял у них много времени, но отсюда, из долины, уже не было видно ни отеля, из которого они вышли, ни других оставшихся позади зданий; лишь возвышавшиеся над курортным городком горы находились в поле зрения. А впереди полностью открылась местность, из которой слева, вдалеке, вырастала цепь могучих вершин, а справа, поближе, – высокий и стройный хвойный лес с укутанными снегом верхушками.

По знаку Рауля путешественники двигались прямо до тех пор, пока не отошли от склона на приличное расстояние, где бугры сменились более ровной поверхностью. Приблизившись к одной из разбросанных по всей долине отдельно от леса елей, гид остановился под сенью ее ветвей, развернулся и, подождав, пока последние путники вместе с Минсу догонят остальных, поманил всех к себе.

– Только что мы с вами преодолели довольно сложный участок, – сказал Рауль. – Все хорошо себя чувствуют? Здесь мы перейдем на лыжи. Но прежде чем мы наденем их и пустимся в дальнейший путь, сделаем небольшой привал. Рассвет, встающий над этими вершинами, поистине сказочный. – Гид на мгновение устремил взгляд в сторону цепи гор. – Он заслуживает вашего полного внимания. Располагайтесь поудобнее и налейте чаю.

– Чай, – услышал Герман позади себя чей-то тихий недовольный голос, говоривший на его родном языке. У него уже сложилось к этому моменту представление о том, кому именно он мог принадлежать. И действительно: обернувшись, он увидел, что стоявший в заднем ряду образовавшегося возле гида полукруга долговязый Антон, надменно уставившийся на руководителя походной группы сверху вниз, в следующее же мгновение повернул голову к Сергею и брезгливо добавил: – Терпеть не могу чай, не понимаю, зачем люди пьют эту бурду. Почему нельзя было вместо него разрешить нам всем взять с собой кофе?

– Да можно, наверное, – скептически отозвался Сергей. – Просто нравится некоторым людям определять за других, что им пить, что им есть, что надевать, как спать... чем дышать. –

Он злорадно хмыкнул. – Я вообще думал взять кофе, но боялся, что этот с утра примется проверять наши термосы.

Антон похихикал. Уже успевший к этому моменту отвернуться Герман притворился, что реплики прошли мимо его ушей, – обычное дело, ведь в походе нередко слышны обрывки разговоров посторонних лиц. Молодой человек вообще старался реагировать на все происходившее вокруг него этим утром легко, однако он не мог не отметить, что некое внутреннее напряжение начинало оплетать его грудь всякий раз, когда он обнаруживал себя рядом с кем-то из группы Катова.

Тем временем участники похода, следуя рекомендациям гида, расстелили под елью туристические коврики и, разместившись на них, достали из рюкзаков заранее подготовленные термосы с чаем. Минсу сел рядом с Раулем, а Герман устроился неподалеку от них. Он видел, как сидевшие прямо перед ним лицом к цепи возвышенностей Мэри, Шарлин, Симон и Мик потягивали чай и заворуженно рассматривали красочную, постепенно набирающую сочность и то и дело меняющуюся в цвете палитру на небе и верхушках гор. Точно так же поглядывавший на становившиеся все более яркими с течением времени природные красоты, Герман разговаривал с Раулем, который не замедлил начать сыпать короткими забавными историями из прошлых походов. Поворачивая время от времени головы в сторону гида, к ним с удовольствием прислушивались как увлекшиеся фотографированием просыпавшейся природы дамы, так и отчасти сумевшие вовлечь в свою беззаботную беседу Минсу братья. Однако в какой-то момент Рауль замолчал, отхлебнул в очередной раз из своей кружки чай и задержал долгий взгляд на группе Катова. Герман посмотрел в том же направлении и слегка удивился. Сергей и Антон сидели с унылыми лицами, зажав в руках по кружке горячего, еще дымившегося чая, в то время как Катов о чем-то переговаривался с Уолкоттом – точнее, Катов говорил, говорил много с застывшей на губах легкой усмешкой, а Уолкотт кивал и иногда что-то односложно отвечал.

– Отдохните еще немного, – довольно громко сказал вдруг гид, обращаясь непосредственно к этой обособленной четверке. – Оглянитесь вокруг! Полюбуйтесь пейзажем!

– Он думает, мы до этого ни разу гор не видели? – тут же хмыкнул Катов так, что эти вроде бы негромкие слова все же донеслись до ушей Германа, после чего покивал на раздавшиеся в ответ на свой комментарий смешки сидевших возле него Сергея и Антона.

А рассветная природа и вправду была восхитительна, с ее окрашивавшимся в розоватые тона и искривленным золотистыми искорками снегом, с безмятежным морозным воздухом. Герман засмотрелся по сторонам. Все это он уже видел год назад – но все, что хранилось в его памяти, меркло по сравнению с теми подлинными видами, которые открывались перед ним сейчас. Панорама сверху всегда захватывает дух, но вид снизу частенько остается недооцененным. Участники походной группы сидели в долине, словно в колыбели, и практически со всех сторон вокруг них вырастали великаны, будь то многометровые деревья или нерукотворные колоссы гор с их живописными каменными изгибами. Именно горы в конечном итоге и собирали в эти минуты все взоры с любопытством осматривавшихся по сторонам путников. Глаза сами собой скользили в заоблачную высь, устремляясь к пикам возвышенностей – острым, куполообразным или плоским, – и это зрелище заставляло что-то съеживаться внутри в патетическом восторге.

В какой-то момент небеса резко посветлели на несколько тонов – до разгара дня было еще далеко, но от ночи уже практически не осталось никакого следа. В очередной раз задумчиво обведя глазами панораму, Рауль уточнил у Минсу время, после чего отставил термос с опустевшей кружкой в сторону и поднялся с места.

– У вас есть несколько минут для того, чтобы пофотографироваться. После этого мы продолжим путь, – громко объявил он. – Не забудьте убрать за собой, если вдруг появился какой-то мусор, и можете потихоньку надевать лыжи.

– Кошмар, уже? Я совершенно не успел отдохнуть, – проворчал Антон. Взглянувший в его сторону Герман, вставая, увидел, что Катов наклонился к автору реплики поближе и что-то тихо, но убедительно высказал ему исподлобья. Одновременно от четверки отделился Сергей: поднявшись с коврика, он отошел в сторону и, встав спиной к лучшим видам, принялся неторопливо делать селфи на их фоне, непрерывно меняя наклон головы и по-разному перехватывая руками смартфон.

Покончив с чаепитием, остальная часть походной группы принялась готовиться к продолжению пути. Герман, дамы и братья охотно помогли Раулю и Минсу прибраться так, что только примятый и притоптанный снег мог намекнуть на то, что в этом месте кто-то устроил привал. После все путешественники надели лыжи и накинули рюкзаки на плечи. Рауль напомнил некоторые основы поведения в походе и закончил речь следующими наставлениями:

– Идем по проложенной лыжне, стараемся не отставать. Предупреждаем, если собрались сойти или устали. Обращаем внимание на все неприятные ощущения, будь то внезапная резкая боль или самая обычная натертость в обуви. В случае возникновения непредвиденных ситуаций сообщаем мне или Минсу. Погода сегодня должна быть спокойная, но ветра здесь порой непредсказуемые – поэтому напоминаю, как следует себя вести, если вдруг нас внезапно настигнет снежная буря. Ничего страшного; мы просто снимаем лыжи, собираемся вместе и отходим в лес. В лесу переждать ее легче и безопаснее. Если кто-то отстал, потерялся и не знает, куда идти, – стойте, где стоите. За вами обязательно вернутся, и найти вас будет проще, если вы не приметесь блуждать самостоятельно, а останетесь на месте. Про навигатор лучше забудьте – не поможет. Готовы? Поехали. – Он махнул рукой и двинулся в путь, прокладывая лыжню навстречу восходившему солнцу. Герман ступил своими лыжами на его следы и заскользил вперед, что после него проделали и остальные участники похода.

В среднем темпе путешественники долго шли прямо, точно вдоль лесистой местности, находившейся справа от них на расстоянии не меньше полусотни метров. Утро уже набирало свою силу, и Герман зачарованно, с любопытством отмечал, как мерцающий розоватый снег становится бледно-оранжевым, постепенно превращаясь в иссиня-белый; как солнце впереди встает все выше и выше, начиная слепить глаза. Ощувив это, Герман подтянул серый шарф в тон шапки и спустил на нос находившиеся до этого на лбу оранжевые горнолыжные очки с зеркальным отражением. Он любовался внушительной громадой укутанного снежным покровом хвойного леса и наслаждался приятным хрустом снега под лыжами. Краем уха Герман слышал, как следовавшие прямо за ним Мэри и Шарлин то и дело обменивались восторженными фразами на французском, и улыбался, довольный тем, что не один испытывает такие яркие, захлестывающие эмоции.

Рауль все чаще останавливался, чтобы хвост группы не отставал слишком сильно – со временем общий темп продвижения несколько снизился. Герман и обе дамы еще держались бодро, но близнецы уже были на порядочном от них расстоянии, а остальные так вообще маячили где-то вдалеке. Гид, тоже успевший к этому времени надеть очки и натянуть на нос шарф, подкидывал не отстающим от него троим членам походной группы короткие веселые подбадривающие истории всякий раз, когда те вынуждены были некоторое время стоять на месте в ожидании.

Спустя несколько десятков минут путь потихоньку начал уходить вверх, на вздымавшийся над лесом холм. На этом этапе Герман и сам, наконец, почувствовал, как устали его натренированные мышцы от выполнения однообразных действий. Он начал двигаться несколько медленнее и выдыхать чуть громче обычного. Рауль в какой-то момент вновь притормозил и слегка повернул верхнюю часть туловища назад; тогда Герман тоже остановился и, опершись на палки, бросил взгляд через плечо. Выяснилось, что дамам еще удавалось поспевать за шедшими впереди мужчинами, но близнецы окончательно сбавили ход – следовавшему за ними Катову даже удалось их нагнать.

– Осталось чуть-чуть, – уверил Германа Рауль. Герман повернул голову к гиду, энтузиазм которого, казалось, был неисчерпаем. – Обед в двенадцать на вершине этого холма. Оттуда мы с Минсу и дадим краткий урок ориентирования на местности для желающих. Что делать, когда нет ни навигатора, ни связи. – По голосу Герман понял, что Рауль усмехается.

– Полезная вещь, – тут же отозвался Герман, усмехаясь в ответ, и последовал за тронувшимся с места другом.

Путь наверх не был крутым, но уставшим от длительной физической нагрузки людям он давался с трудом. В какой-то момент вновь обернувшись, Герман увидел, что на этот раз даже Мэри и Шарлин отстали от него на несколько метров. Заодно он обратил внимание, что группа Катова, за исключением его самого, еще довольно энергично шедшего следом за Симоном, уже давно растянулась на порядочное расстояние – разрывы между ее участниками составляли навскидку пару десятков метров. Вновь приостановившийся Рауль сдвинул очки на лоб и с прищуром взгляделся в хвост группы, где Минсу стоял рядом с последним из отстающих коллег Катова, явно стараясь его подбодрить.

– Подождем, пока остальные подойдут поближе, – пояснил Рауль как Герману, так и нагнавшим их через некоторое время Мэри и Шарлин. Сразу же вслед за этим гид принялся развлекать всех троих занимательной историей о том, как в далеком детстве он все никак не мог в первый раз забраться на лыжах вверх по резкому склону – у Рауля получалось дойти лишь до определенной точки, после которой он неизменно начинал скатываться. Тогда он еще не знал, что крутой подъем, в отличие от того относительно пологого, на котором они сейчас стояли, нужно преодолевать лесенкой.

В ожидании хвоста походной группы прошло немало времени. Находившийся в самом конце Минсу в какой-то момент обратил внимание на устремленные на него взгляды и ускорился даже несмотря на усталость, отчетливо читавшуюся в его облике. Примкнув к цепочке последним, он адресовал Раулю уверенный жест, означавший, что как у него, так и у подотчетного ему хвоста группы все было в порядке. Гид в ответ повторил движение помощника и громко, так, чтобы слышали все выстроившиеся перед ним в кривоватую линию лыжники, отрывисто провозгласил:

– Уже скоро! До высшей точки минут двадцать! Там сделаем привал!

Он тут же вновь сдвинулся с места, Герман – за ним, а следом потихоньку и остальные участники похода.

V

Рауль оказался прав: не прошло и двадцати минут, как вся группа добралась до вершины этого огромного, растянувшегося на многие десятки метров холма. Склон был настолько плавным, что верхняя точка этой возвышенности открылась взору неожиданно, оказавшись на поверку широким и ровным участком. Герман понял, что они добрались до цели, только когда увидел, что доехавший до определенного места гид сделал на лыжах пару шагов в сторону и остановился, окинув почтенным ритуальным взглядом открывшийся ему пейзаж. Только после этого он оглянулся и обратил сосредоточенный взор на членов своей походной группы. Продолжая посматривать в сторону постепенно прибывавших на вершину холма путников, Рауль приложил руку к закрепленной на лямке его рюкзака тангенте – небольшому черному устройству, по форме напоминавшему вытянутый с одной стороны эллипс. Оттуда торчал проводок, подсоединенный к спрятанной в недрах рюкзака рации, что позволяло пользоваться ею, не вынимая наружу, – чтобы передать сообщение, следовало лишь нажать кнопку на вспомогательном устройстве. Это гид сейчас и проделал. Он что-то коротко и отрывисто сказал по-французски, в ответ на что после непродолжительного шипения раздалось лаконичное «принято».

«Сообщил Базе, что мы устраиваемся на обед», – догадался Герман. Сам он, чуть-чуть не доезжая, подобрался поближе к Раулю и тоже сделал шаг в сторону. Отстегнув лыжи, Герман подхватил их на руки и неспешно прошелся вперед. Верхний слой снега здесь тоже был мягкий, рассыпчатый, и ноги в надетых на них темно-синих гамашах-фонариках то и дело проваливались чуть больше, чем по щиколотку. Миновав Рауля, Герман остановился.

Перед ним раскинулась величественная панорама. Насквозь прожигая васильковое небо, прямо в лицо светило продолжавшее следовать к своему зениту солнце. На секунду у прижавшего к себе одной рукой лыжи Германа захватило дух; его будто подбросила в воздух неведомая сила, не дав понять, поймает ли потом. Он почувствовал себя воспарившим над мягко спускавшейся снежной долиной, простиравшейся настолько далеко, насколько глаз мог видеть. Справа взгляду продолжали открываться бесконечные пики посеребренного леса. Чуть левее было относительно ровное пространство, и лишь на изрядном расстоянии угадывались очертания поджидавших путников снежных холмов, подобных тому, на котором Герман стоял сейчас, – огромные, с этого ракурса они не позволяли увидеть то, что находилось за ними. Совсем слева в пейзаже господствовал все тот же нестройный ряд уходившей далеко вперед горной цепи. И повсюду между этими вершинами и лесом выгибали свои спины скалистые гребни – большие и малые, как присыпанные снегом, так и черневшие, они вразнобой вырастали из земли вперемешку с отдельными нагромождениями жандармов и валунов и обособленными скоплениями елей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.